

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ
им. Н.Н.МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ИТОГИ ПОЛЕВЫХ РАБОТ ИНСТИТУТА
ЭТНОГРАФИИ В 1971 ГОДУ

I

ИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1972

и сейчас обязательно устраивается кухня тандырхана традиционного типа с очагами и тандыром. Характерно, что жилые дома, которые возводятся в настоящее время в колхозе "Москва" межколхозными строительными организациями по типовым проектам, сохраняют некоторые положительные традиционные черты старого узбекского жилища.

Г.Н.Симаков

О НЕКОТОРЫХ РЕЗУЛЬТАТАХ ПЕЕЗДКИ В КИРГИЗИЮ

После длительного перерыва сектор Средней Азии и Казахстана Института этнографии АН СССР возобновил полевые исследования в Киргизии. В августе-сентябре этого года автор данной статьи в составе Дунганского отряда Среднеазиатской экспедиции АН СССР (начальник отряда А.М.Решетовэ побывал в северной Киргизии, имея главной целью сбор полевого материала по общественному строю киргизов, в частности - по семейно-родственным группам.

В качестве основного района исследования был избран Атбашинский район Нарынской области, который в силу исторических и географических причин в большей степени сохранил многие черты традиционной культуры киргизов. Кроме того работа велась в Кочкорском, Джумгалском районах этой же области, а также в Чуйской долине (Калининский район).

Первым, кто, опираясь на свои полевые наблюдения, обратил внимание исследователей на существование у киргизов Средней Азии семейно-родственных групп, был С.М.Абрамзон. Он же, как известно, сформулировал основные теоретические положения, относящиеся к этой проблеме¹⁾.

В последующие годы в полевых условиях материал по семейно-родственным группам собирал киргизский ученый А.Джумагулов, который выборочно опубликовал их в связи с изучением семьи и брака у киргизов Чуйской долины²⁾. Касался

1) С.М.Абрамзон. К вопросу о патриархальной семье у кочевников Средней Азии. КСИЭ, в.28, 1958, стр.28-34; Он же, Формы родо-племенной организации у кочевников Средней Азии. тИЭ, т.XIV, 1951, стр.152-156.

2) А.Джумагулов. Семья и брак у киргизов Чуйской долины. Фрунзе, 1960.

этого вопроса и С.И.Ильясов¹⁾. Больше специально этим вопросом у киргизов никто не занимался.

Материалы, собранные в этом году, включают в себя более или менее подробное описание четырнадцати семейно-родственных групп (бир атанын балдары), состоявших из семей в количестве от 4 до 11 и расселявшихся компактно. Члены каждой группы считали себя потомками одного реально существовавшего предка, который отстоял от них на 2-3 поколения. Основной упор делался на сбор информации, характеризующей эти группы в период времени, непосредственно предшествующий коллективизации. Специальное внимание было уделено изучению состояния семейно-родственных групп в наши дни.

Колхозы в Киргизии создавались, в основном, в тридцатые годы, поэтому в качестве информаторов привлекались люди (преимущественно мужчины) в возрасте не моложе семидесяти лет.

Целью опроса было получить наиболее подробные и точные сведения по хозяйственной, общественной и идеологической жизни исследуемых групп. При этом особое внимание уделялось следующим вопросам: владение скотом, пастбищами, пахотными и сенокосными угодьями; участие членов группы в различных видах хозяйственной и материальной взаимопомощи; управление жизнью группы (общее собрание - кенеш, старейшина группы - аксакал, старшая женщина группы - байбиче); влияние имущественного неравенства членов группы на их взаимоотношения и ряд других вопросов.

По единодушному мнению исследователей, изучавших семейно-родственные группы у народов Средней Азии и Казахстана, последние являются пережиточной формой патриархальной семейной общины, то есть таковой формой социальной организации, в пределах которой индивидуальная семья получила уже известную экономическую самостоятельность. Но при этом малая семья все же продолжала сохранять с семейно-родственной

1) С.И.Ильясов. О сущности патриархально-феодалных отношений у кочевых народов Киргизии. Материалы Объединенной научной сессии, посвященной истории Средней Азии и Казахстана в дооктябрьский период. Ташкент, 1955, стр. 47-48.

группой определенные хозяйственные и общественные связи. До настоящего времени изучением конкретных путей, по которым шел процесс разложения патриархально-общинных начал в семейно-родственной группе, никто не занимался.

Собранный в этом полевом сезоне материал, несмотря на свой небольшой объем, позволяет высказать предварительное мнение о том, что этот процесс в Киргизии проходил довольно активно, хотя и неравномерно, вплоть до двадцатых годов нашего века, о чем свидетельствует различие во внутренней структуре исследованных нами групп, определяемое разной степенью сохранности патриархально-общинных черт. Эту мысль мы постараемся проиллюстрировать некоторыми примерами, взятыми из наших полевых материалов.

В киргизском обществе в первой половине XX века индивидуальное владение скотом, пахотными угодьями, а также продуктами животноводства и земледелия было уже вполне установившейся закономерностью.

Однако нам встретились следующие случаи: все члены семейно-родственной группы (четыре семьи) владели рабочим скотом сообща, по очереди использовали его во время пахоты и совместно осуществляли уход за ним; рабочий скот находился в индивидуальном владении каждой семьи, но для сельскохозяйственных работ обобществлялся (для этого брались наиболее сильные животные) всеми членами группы независимо от степени родства (наибольшее число случаев); скот для работы обобществлялся только ближайшими родственниками (отец и выделенные сыновья); для всех работ использовали-сь животные, принадлежащие только данной семье; земля, принадлежавшая семейно-родственной группе, составляла сплошной массив, каждая семья имела отдельный участок, урожай со всех участков объединялся и делился поровну между всеми семьями группы; земля, принадлежавшая семейно-родственной группе, составляла сплошной массив, каждая семья имела отдельный участок и пользовалась урожаем только с этого участка (на вопрос, почему участки земли находились смежно, информатор от-

ветил, что при таком расположении удобнее было помогать друг другу в пахоте, а также в поливе, сборе и обмолоте урожая);

участки находились в индивидуальном владении каждой семьи, но расположены были в разных местах, урожай шел в распоряжение только данной семьи, при этом существовала традиция после хорошего урожая делиться с родственниками зерном; каждая семья владела отдельным участком земли, урожаем пользовались единолично, но излишки зерна между родственниками не делились;

В первых двух случаях ток был общим для всех, в остальных — каждая семья имела отдельный ток.

Интересны примеры, касающиеся характера владения сельскохозяйственными орудиями, в частности, деревянной сохой (буурсун): буурсун принадлежал всем семьям группы и находился в каждый данный момент у человека, который осуществлял пахоту, он же должен был делать необходимый ремонт; одним буурсуном владела группа семей ближайших родственников, у другой группы родственников был свой буурсун; буурсун принадлежал только одной семье, но пользовались им все семьи группы сообща и безвозмездно, владелец буурсуна осуществлял и необходимый ремонт; каждая семья имела собственный буурсун.

Главой семейно-родственной группы был старейшина — аксакал, который решал наиболее важные вопросы, касавшиеся жизни семейно-родственной группы в целом, а также отдельных, входивших в ее состав семей. Аксакалом по традиции становился самый старший по возрасту мужчина, который обладал всей полнотой власти. Именно так дело обстояло в большинстве случаев, но имелись и такие варианты: аксакал, не обладая достаточными способностями, обращался за советом к наиболее умному, хозяйственному, хотя и младшему по возрасту, мужчине группы, при этом сам принимал решения, отдавал распоряжения и контролировал их исполнение; аксакал находился под влиянием одного из младших по возрасту членов группы (младший брат), в этом случае последний брал на себя ряд функций, которые по праву принадлежали

аксакалу, например, осуществлял внешнее представительство на родовых и более крупных собраниях; фактическую власть полностью забирали в свои руки младший по возрасту член семейно-родственной группы (младший брат аксакала), он самостоятельно принимал решения по всем вопросам, отдавал распоряжения и осуществлял контроль за их исполнением, но все же *post factum* сообщал аксакалу о ходе дел. В этом случае аксакал был лишен власти, но сохранял ряд внешних привилегий: он первым входил в юрту, садился на почетное место, первым приступал к трапезе, ему уступали дорогу и т.д. из элементов подлинной власти за ним сохранялось право физически наказывать тех, кто относился к нему без должного уважения (правда, в двух случаях аксакал был лишен и этой привилегии). О падении престижа старейшины говорит такой пример: в одних случаях гость, посещавший одного из членов семейно-родственной группы, заходил в юрту аксакала с визитом вежливости, в других случаях этого не делалось.

При решении наиболее важных вопросов, которые затрагивали интересы всех семей группы, аксакал созывал на собрание (кеңеш) некоторых из мужчин. По обычаю, это должны были быть наиболее уважаемые и старшие по возрасту лица. Однако во многих случаях круг людей, имевших право присутствовать на кеңеше, расширялся. В исследованных нами семейно-родственных группах представительство росло в следующей последовательности: главы всех семей, независимо от возраста; наиболее толковые из молодых людей, независимо от семейного положения; все взрослые мужчины; старшие и наиболее уважаемые из женщин; все взрослые члены семейно-родственной группы.

Представляет интерес на наш взгляд и тот факт, что в каждом конкретном случае круг вопросов, решаемых на кеңеше, был различным. В одних группах на кеңеше решалось подавляющее большинство вопросов, которые касались всех сторон жизни семейно-родственной группы, включая и такие хозяйственные вопросы, как время пахоты, сева, сбора и обмо-

лота урожая, время сезонных перекочевок с пастбища на пастбище, выбор участков для сенокосов и пахоты, выбор пастбищ, организация различных производственных процессов и многие другие вопросы. В других случаях хозяйственные вопросы на кеңеше не решались вовсе. Там обсуждалось устройство семейных торжеств — тоев, похорон, поминок — ашей, распределение обязанностей по сбору калыма, оказание помощи попавшим в беду родственникам. Остальные вопросы решались или аксакалом или самими членами группы, минуя кеңеш.

Экономическая, общественная и идеологическая солидарность членов семейно-родственной группы выражалась также в степени их участия в сборе калыма для одного из молодых родственников. В первом случае в сборе калыма участвуют все семьи данной группы в равной мере, т.е. вносят в счет калыма примерно равное количество скота, во втором — большую часть расходов несут ближайшие родственники (отец и выделенные братья жениха, причем отец дает скота больше всех), и наконец, в третьем случае никто из родственников, кроме отца, в сборе калыма не участвует.

И последнее, о чем хотелось бы сказать, это об участии родственников в сборе скота (энчи) для выделения молодой семьи, а также о некоторых обычаях, сопровождающих переход женившегося сына к самостоятельной жизни. В сборе энчи, как в сборе калыма, могли участвовать или все семьи группы (каждый давал скота столько, сколько мог или хотел), или в этом участвовал только отец мужа. Получив в собственность скот, сын мог в одних случаях распоряжаться им только с разрешения отца, в других — по собственному усмотрению, но поставив отца в известность, и, наконец — полностью самостоятельно.

Женившись, сын большей частью продолжал жить в юрте отца и питался с отцом из одного котла (от шести месяцев до полутора лет). Иногда же он переходил жить в отдельную юрту сразу по получении энчи.

У некоторых семейно-родственных групп сохранялся обычай, по которому отделившийся сын продолжал некоторое время питаться в юрте отца из одного котла (чон казан).

Приведенные выше примеры, которые характеризуют некоторые стороны хозяйственной и общественной жизни исследованных нами семейно-родственных групп, подтверждают высказанное в начале нашего сообщения предположение об имевшей место в 20-х годах XX века тенденции к постепенному ослаблению в структуре семейно-родственных групп патриархально-общинных черт. Это прежде всего выражалось в стремлении к сужению круга родственников (от более дальних к более близким, вплоть до членов одной семьи), связанных обязанностями хозяйственной и материальной взаимопомощи. О том же свидетельствует ослабление власти аксакала и падение его престижа, увеличение числа и категорий лиц, имеющих право присутствовать на кеңеше, сужение полномочий кеңеша, увеличение прав сына при жизни отца самостоятельно распоряжаться выделенным ему в собственность скотом, а также ряд других моментов.

В задачу этой статьи не входило давать анализ причин, вызывавших указанные изменения, хотя уже сейчас можно сказать, что рост имущественного неравенства среди членов семейно-родственных групп был одним из главных факторов, оказывавших влияние на ход этого процесса.

Главной целью этой заметки было высказать предварительное соображение о возможности изучения на полевом материале, собранном в наши дни, конкретных путей разложения общинных начал в семейно-родственной группе.

Г. Н. Симаков

КИРГИЗСКИЕ НАЦИОНАЛЬНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

(КОНЕЦ XIX — НАЧАЛО XX ВЕКА)

Среди богатого и своеобразного культурного наследия киргизского народа важное место занимают различные виды национальных развлечений¹. К сожалению, этой стороне национальной культуры киргизов до последнего времени этнографы не уделяли должного внимания. В трудах дореволюционных ученых и путешественников П. П. Семенова-Тянь-Шанского, Н. В. Сорокина, Ч. Валиханова, И. И. Гродекова и других имеются лишь краткие и разрозненные сведения по этому вопросу². Определенный интерес к народным киргизским развлечениям проявляли некоторые представители царской колониальной администрации и русской интеллигенции, проживавшие в конце XIX — начале XX в. на территории Киргизии. Время от времени в газетах «Туркестанские ведомости» и «Семиреченские областные ведомости» появлялись статьи и заметки о национальных видах спорта, играх и увеселениях. Однако интерес этот носил случайный и неглубокий характер.

Из этнографических работ, вышедших в послереволюционное время, краткие сведения по интересующей нас проблеме имеются лишь в статьях и книгах С. М. Абрамзона³, где можно найти перечисление, а в некоторых случаях и краткое разъяснение отдельных видов национальных развлечений; иногда дается оценка исторического места развлечений в культурном наследии киргизов. С. М. Абрамзоном была предпринята также попытка предварительной группировки (классификации) национальных развлечений на основе их соотнесения с возрастными группами:

¹ Под термином «развлечения» мы понимаем самые разнообразные рациональные средства проведения досуга: игры, состязания, зрелища, народные виды спорта и т. п.

² См. П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Путешествие в Тянь-Шань в 1851—1852 гг. М., 1947; «Первая поездка на Тянь-Шань и Небесный хребет до верховьев реки Яксарт или Сырдарья Действительного члена П. П. Семенова в 1857 г.» — В кн.: «Вестник Императорского Русского географического общества», ч. 23, II отд., СПб., 1858; Н. В. Сорокин. В горах и долинах русского Тянь-Шаня. — «Исторический вестник», май — июнь 1886 г.; Ч. Валиханов. Избранные произведения. Алма-Ата, 1858; И. И. Гродеков. Киргизы и каракиргизы Сырдарьинской области, т. I. — «Юридический быт», Ташкент, 1889; Н. Северцев. Путешествие по Туркестанскому краю и исследование горной системы Тянь-Шань по поручению Русского географического общества. СПб., 1873; В. И. Липский. По горным областям русского Туркестана (Тянь-Шань). СПб., 1906, и др.

³ С. М. Абрамзон. Творчество киргизского народа. В сб.: «Советская этнография», т. III, 1940; *его же*. Черты военной организации и техники у киргизов (по историко-этнографическим данным и материалам эпоса «Манас») — «Труды Ин-та языка, литературы, истории Киргизского филиала АН СССР», вып. 1, Фрунзе, 1945; *его же*. Этнографические сюжеты в киргизском эпосе «Манас». — «Сов. этнография», 1947, № 2; *его же*. Очерки культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946; *его же*. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971.

игры детей, игры молодежи, игры взрослых и т. д. В особую группу С. М. Абрамзон выделил массовые увеселения и зрелища, исторически связанные с условиями походной жизни. В основном они носили пережиточный характер, являясь в прошлом составным элементом культовых церемоний⁴. Однако проблема народных развлечений в целом оставалась за пределами внимания этнографов, хотя она несомненно представляет интерес при изучении культуры киргизов, а также их этногенеза и этнической истории.

Задача настоящей статьи — выделить и в самых общих чертах раскрыть наиболее характерные моменты бытования киргизских национальных развлечений в дореволюционный период (главным образом в конце XIX — начале XX в.). В основу работы положены публикации дореволюционных и советских исследователей, полевые материалы, собранные автором в различных районах Киргизской ССР, а также архивные материалы рукописных фондов Отделения общественных наук АН Киргизской ССР.

Тематика многих киргизских развлечений, их аксессуаров, особенности бытования свидетельствуют о том, что они возникли и развивались у скотоводческого народа, который вел кочевой образ жизни. Наиболее ярким показателем этого является популярность и широкое распространение в Киргизии разнообразных видов конного спорта, состязаний и игр, т. е. тех видов развлечений, непосредственным участником которых являлся конь, имевший исключительно важное значение в хозяйственной жизни скотоводов-кочевников.

К концу XIX в. у киргизов имелось более десяти различных видов конных игр и состязаний. Это прежде всего разнообразные скачки: *тай чабыш* — скачки на жеребятках в возрасте моложе двух лет, *кунан чабыш* — скачки на молодых лошадках-трехлетках и *ат чабыш* — несколько видов скачек на взрослых лошадках. Наиболее популярны в последнем виде развлечений *чон ат чабыш* (или *аламан байге*) — обязательный атрибут большой тризны *аш*, устраивавшейся через год после смерти богатого и знатного человека.

Подготовкой лошадей к скачкам, а также наставлением наездников занимались тренеры — *саяпкеры*, хорошо знавшие беговые качества лошади и владевшие искусством подготовки скаковых лошадей к состязаниям. Необходимые для этого сведения издавна накапливались в памяти скотоводов-кочевников и передавались в изустной традиции из поколения в поколение. Навыки ремесла саяпкеров, как правило, передавались по наследству от отца к сыну, от деда к внуку. Саяпкер был почти в каждом ауле или по крайней мере в каждой родовой группе. Выиграть скачку считалось большой честью для владельца лошади, для наездника и в особенности для тренера. Профессия эта у киргизов была весьма популярной и уважаемой. Имена некоторых саяпкеров были известны далеко за пределами Киргизии.

Говоря о конных состязаниях, нельзя не упомянуть такие любимые киргизами виды развлечений, как: *оодарыш (эниш)* — борьба двух всадников, цель которой стащить соперника с седла; *жабмы атыш* — стрельба на полном скаку по подвешенной на длинном шесте мишени; *тыйын энмей* — джигитовка, во время которой всадник на полном скаку должен был поднять монету с земли, *кыз куумай* — состязание между юношей и девушкой в умении ездить верхом; *жорго салыш* — скачки на иноходцах и некоторые другие. Все эти виды состязаний в конце XIX — начале XX в. были у киргизов наиболее популярны.

Печать скотоводческого быта, кочевого образа жизни несли на себе и другие виды игр, бытовавшие в народе. Сюжеты некоторых из них отражали наиболее характерные ситуации повседневной жизни ското-

⁴ С. М. Абрамзон. Творчество киргизского народа, с. 82.

водов-кочевников. Довольно распространенным сюжетом, в особенности в молодежных и детских играх, была охрана овечьего стада или табуна лошадей от нападения хищников. Характерна в этом отношении популярная детская игра *карышкыр оюун* (букв. «волчья игра», «игра волков»). В ней участвовали до 30 мальчиков и девочек не старше 13 лет. Они делились на три группы: самая малочисленная — «волки», средняя по количеству участников — «пастухи» — *койчулар*, наиболее многочисленная — «овцы». На ровном месте очерчивался большой круг, который изображал загон для овец — *кой короо*, в котором находились «овцы». Снаружи располагались «пастухи». Их задача — не допускать «волков» к «овцам». «Волки» старались обмануть пастухов, обойти их и вытащить как можно больше «овец» за пределы круга. «Овцы» же в свою очередь старались поймать как можно больше «волков» и втащить их в загон. «Пастухи» помогали им. Пойманная «овца» становилась «волком» и наоборот. Игра продолжалась до тех пор, пока все участники не становились либо «овцами», либо «волками»⁵.

Воспроизведением в игровой форме различных ситуаций из скотоводческого быта являлись и такие игры, как — *эшек минмей* (букв. «запрыгивание на ишака»), *токту сурамай* (букв. «выпрашивание телки»), *уйчу* — коровий пастух, *таман тузак* — силки (букв. «силки для ног») и ряд других.

Сюжеты многих игр утратили черты непосредственной связи со скотоводческим бытом, однако о ее наличии свидетельствуют их названия: *кёк бука* — игра в лунки (букв. «голубой бык») или *кызыл бука* — чехарда (букв. «красный бык»).

Названия домашних животных широко фигурируют в играх киргизов. Так, выигранное или проигранное очко во многих играх называется *тай* — жеребенок, жеребьевка — *ат кармоо* (букв. «держание лошади, удержание лошади»), а жеребьевка при игре в альчики (косточки, с помощью которых бросается жребий) называется *ат калчашоо* (букв. «определение первой лошади»). Сам альчик именуется *күлүк ат* — скакун, скаковая лошадь. Человек, который по тем или иным причинам выбыл из игры, называется *чок байтал* (букв. «кобылица со стриженной холкой») и т. п.⁶

Интересно, что в некоторых играх в качестве предмета игры служила туша домашнего животного или ее части. Так, в игре-состязании *кёк бөрү* предметом игры служит туша козленка — *улак*, на юге Киргизии туша теленка — *торпок*, что и дало, по-видимому, этой игре и другое название — *улак тартыш* или *торпок тартыш* (букв. «таскание козленка», «таскание теленка»). Обязательным атрибутом другого часто устраивавшегося на крупных торжествах (*той* или *аш*) развлечения — *ёпкё чабыш*, *ёпкё уруш* (букв. «бой», «драка с помощью легких») служили легкие какого-нибудь домашнего животного (овцы, лошади, козла), которого специально закалывали перед самым состязанием. Во время состязания двое раздетых по пояс мужчин наносили друг другу удары по голове или туловищу этими легкими. Каждый старался заставить соперника покинуть поле сражения.

Большое развитие получили у киргизов игры с бараньими коленными косточками — *чукё-альчики*. В наши дни особенно популярна спортивная игра *ордо* (букв. «ханский дворец», «юрта хана»). С. М. Абрамзон считает, что в основе ее сюжета лежит как бы «бой за захват ханской ставки»⁷. Цель игры — выбить из очерченного на земле большого круга

⁵ Рукописные фонды Отделения общественных наук АН Киргизской ССР, инв. № 1905, с. 45, 46.

⁶ Полевые записи автора, № 28 и 32 (Здесь и ниже — ссылки на сведения, собранные во время экспедиционных поездок в Киргизскую ССР в 1973—1974 гг. Полевые записи хранятся у автора).

⁷ С. М. Абрамзон. Творчество киргизского народа, с. 82.

расположенные в его центре бараньи альчики. В силу сложности правил и множества ограничений, вводимых для участников, игра эта требует большой ловкости и сноровки. Победитель, как правило, получает приз (одну или несколько голов скота).

Обращает на себя внимание и тот факт, что на всех крупных состязаниях победители почти всегда получали в награду скот. В начале XX в. в качестве приза стали давать дорогую одежду, утварь и денежные суммы. Однако преобладала старая традиция назначать призы скотом. Выше всего ценились верблюды, затем лошади и потом уже овцы. Крупный рогатый скот включали в состав приза только, когда хозяева праздника не имели возможности выдать приз другими видами скота⁸. В этом также сказывается традиционный, сугубо кочевнический взгляд на крупный рогатый скот как на что-то менее ценное, чем верблюды, лошади и овцы.

Игры киргизов хорошо приспособлены к условиям кочевой походной жизни. Они, как правило, просты не только по содержанию, но и по оформлению. Для их устройства не нужно специального и тем более громоздкого оборудования или особо отведенного места. Все необходимое для устройства того или иного развлечения у кочевника всегда под рукой.

Зарождение и развитие многих видов развлечений киргизов было связано с повседневными хозяйственными нуждами скотоводов и их мировоззрением, в силу чего в конце XIX — начале XX в. национальные виды развлечений стали существенным элементом народной системы трудового воспитания, одним из средств подготовки молодого поколения к хозяйственной деятельности.

Не следует, однако, забывать, что «...вплоть до самого включения Киргизии в состав России основным фоном, на котором разворачивались важнейшие события политической и общественной жизни киргизов, были войны, набеги и столкновения»⁹. Еще в середине XIX в. межплеменные столкновения были реальностью. По свидетельству С. М. Абрамзона, «суровый военный быт не мог не накладывать своего отпечатка на многие стороны материальной культуры, хозяйственный уклад, общественные отношения, народное сознание киргизов»¹⁰. Не случайно некоторые виды национальных развлечений приобрели явно выраженный военизированный характер. Такие виды народных спортивных состязаний, как *эр сайыш* (единоборство двух всадников на пиках), *жамбы атыш*, *оодарыш*, *тайын энмей*, *балбан кўрёш* — пешая борьба, а также все разновидности конных состязаний вплоть до середины XIX в., помимо развлекательного и общевоспитательного, сохраняли еще и специфическое военно-прикладное значение.

Киргизских детей с самого раннего возраста готовили к встрече с врагом¹¹. Одним из важных средств воспитания будущего храброго и умелого воина были киргизские национальные игры и состязания, которые вырабатывали ловкость, смелость, выносливость и сообразительность. Эта система воспитания начиналась с детских подвижных игр. По мере возмужания будущего воина перед ним через игры ставились все более и более сложные задачи. Мы имеем некоторые основания говорить о народной, стихийно сложившейся, а в отдельные периоды истории, возможно, и сознательно культивируемой системе воспитания воина-конника с помощью национальных игр и народных видов спорта. Такая форма подготовки, по всей видимости, наилучшим образом отвечала особенностям киргизского войска, которое было организовано по принципу народного ополчения¹².

⁸ Полевые записи автора, № 18.

⁹ С. М. Абрамзон. Киргизы..., с. 167.

¹⁰ Там же, с. 163.

¹¹ С. М. Абрамзон. Черты военной организации..., с. 179.

¹² С. М. Абрамзон. Очерки культуры..., с. 44.

Основу киргизского войска составляла легкая конница¹³. Среди конных видов состязаний и игр наиболее военизированный характер носило устраиваемое преимущественно во время годовых поминок единоборство двух мужчин-всадников на пиках — *эр сайыш*. В конце XIX — начале XX в. это состязание было обязательным атрибутом любого киргизского аша; в некоторых случаях оно устраивалось и во время крупного тоя, что, по-видимому, было уже отступлением от сложившихся традиций. Наши информаторы говорили о том, что в середине и даже в конце XIX в. во время эр сайыш часто проливалась кровь, так как воины выходили на поединок с боевыми пиками. К концу века во время эр сайыша все чаще использовались турнирные копыя. К этому времени относится, по-видимому, и установление правил для эр сайыша, согласно которым удар тупым копьём можно было наносить только в грудь (удары ниже пояса, в спину или в лицо были запрещены). К этому же времени боевые доспехи стали заменять турнирными: грудь участника состязания покрывалась толстым слоем войлока, поверх которого одевался своеобразный панцирь — *соот*, изготовлявшийся из коровьей или лошадиной кожи — *булгары*. Однако эти импровизированные доспехи не всегда защищали участников поединка от увечий и даже гибели. Жестокий характер этого состязания, сохранившийся и в конце XIX в., несомненно был отзвуком той суровой военной эпохи, которая его породила. Эр сайыш прекратил свое существование лишь к самому началу XX в., когда он был официально запрещен царской колониальной администрацией¹⁴.

Большая популярность конных видов развлечений была связана также с исключительно важной ролью коня в военной походной жизни, особенно, в бою. Подготовка к походу, отмечал С. М. Абрамзон, требовала не только изготовления снаряжения. Огромное место в ней занимала подготовка боевых коней и их тренировка к длительным переходам, обучение для использования в бою¹⁵. Таким образом, все виды конных развлечений способствовали не только воспитанию воина, но и выработке необходимых качеств боевого коня: выносливости, скорости, маневренности, безукоризненного подчинения поводу и т. д.

У киргизов существовал своеобразный культ коня, что отчетливо отразилось в произведении устного народного творчества и, в частности, в эпосе «Манас»¹⁶. В киргизском войске были особого рода специалисты — знатоки боевых качеств воинов и верховых лошадей — *сынчы*¹⁷. Они выступали так же как прорицатели, пророки, якобы способные заранее предсказать исход того или иного сражения. По утверждению некоторых наших информаторов, люди становились профессиональными сынчы по велению духов¹⁸. Сынчы имели, по-видимому, много общего с шаманами *бахшы*, гадателями на лопатке — *далычы* и др.

Однако к концу XIX в. их профессия уже в значительной степени утратила присущий ей в прошлом религиозный оттенок, а знания и опыт получили ограниченное, более специфическое использование. В условиях мирной жизни сынчы превратились главным образом в специалистов по отбору и подготовке лошадей к скачкам. Они часто совмещали в себе две бывшие некогда самостоятельными специальности: собственно сынчы — знатоков скаковых качеств лошадей и саяпкеров — мастеров подготовки лошадей к скачкам.

Об исторической связи народных спортивных состязаний с военным прошлым киргизского народа свидетельствует и ряд других моментов,

¹³ С. М. Абрамзон. Черты военной организации..., с. 168.

¹⁴ Д. Айтмамбетов. Культура киргизского народа во второй половине XIX — начале XX в. Фрунзе, 1967, с. 160.

¹⁵ С. М. Абрамзон. Черты военной организации..., с. 175.

¹⁶ С. М. Абрамзон. Киргизы..., с. 175.

¹⁷ С. М. Абрамзон, Черты военной организации..., с. 171.

¹⁸ Полевые записи автора, № 33, 45 и 50.

характерных для их бытования в конце XIX — начале XX в. Так, многие состязания на крупных торжествах, как правило, сопровождались игрой на музыкальных инструментах и пением народных певцов-сказителей — *ырчы*. Содержание многих песен и мелодий имело сугубо военный характер. Да и сами инструменты *кыяк*, *керней*, *сурнай*, *добулбас*, по всей вероятности, когда-то широко использовались в военном быту, были неотъемлемым элементом воинского церемониала¹⁹.

О былой связи национальных развлечений с военным делом напоминает и царившая на крупных киргизских празднествах атмосфера торжественности, героической приподнятости, своеобразного эпического пафоса. Этому в значительной мере способствовал продолжавший процветать в народе культ героев-богатырей. В конце XIX — начале XX в. объектом народного почитания стали победители крупных состязаний по ат чабыш, оодарыш, балбан кўрёш и в особенности по эр сайышу.

Интересно отметить, что у киргизов вплоть до конца XIX — начала XX в. сохранялась традиция участия женщин в таких сугубо мужских видах состязаний, как оодарыш, балбан кўрёш, эр сайыш, а также участие девушек и женщин в особых скачках — *кыз жарыш*, *келин жарыш*.

О том, что среди киргизов-воинов встречались женщины-богатырши, свидетельствуют произведения народного поэтического творчества, в частности эпос киргизов «Манас», а также эпосы других народов Средней Азии и Казахстана. По всей видимости, состязания женщин в некоторых мужских видах спорта, широко распространенные в прошлом, со временем стали лишь отмирающей традицией. Такого рода состязания продолжали устраивать лишь на особо крупных торжествах. Женщины выходили на арену после выступления мужчин и состязались по тем же видам программы. В некоторых случаях единоборство женщин носило шуточный характер и встречалось веселым смехом зрителей, но иногда борьба принимала острый и подчас жестокий характер. Победительница получала приз скотом или деньгами. Правда, призы на женских состязаниях были гораздо скромнее, чем на мужских²⁰. Участницы воинских состязаний назывались в народе *балбан кыз*, *балбан келин* (девушка-силач, женщина-силач). Иногда женщины отваживались даже вызывать на поединок мужчин и в схватке с ними одерживали победу²¹.

Об особом положении женщин у кочевников Средней Азии свидетельствуют такие не раз отмечавшиеся исследователями факты, как относительная свобода и самостоятельность, которыми они пользовались в повседневной жизни. Известны случаи, когда в родословную включались женские имена²² или же женщины становились главами тех или иных родовых подразделений после смерти мужей²³. Исследователи считали подобные факты отголосками очень древних форм социальной и воинской организации народов Средней Азии, в частности матриархата. Нам важно отметить, что у киргизов примеры участия женщин в военизированных видах состязаний наряду с мужчинами мы находим не только в эпической традиции, но и в самой жизни. Участие женщин в богатырских развлечениях преимущественно во время больших годовых поминок — аш, на наш взгляд, дает основание говорить о былом ритуальном назначении этих развлечений, восходящих к традициям древнего похоронного церемониала.

Рассмотренные нами военизированные виды народных развлечений к концу XIX — началу XX в. стали по существу народными видами спорта, и лишь некоторые черты их бытования продолжали напоминать о

¹⁹ Д. Айгмамбетов. Указ. раб., с. 133, 139, 140—142.

²⁰ Полевые записи автора, № 14, 23, 31, 40 и др.

²¹ Там же, № 27.

²² С. М. Абрамзон. Киргизы..., с. 50.

²³ Там же, с. 51.

той эпохе, когда они непосредственно служили интересам военного времени.

Следует сказать о воспитательной и развлекательной стороне тех развлечений, которые широко бытовали в народе и функционирование которых не было ограничено только религиозными праздниками. Такие развлечения, не связанные условностями обрядовости, могли устраиваться в любое время года при любых благоприятных обстоятельствах. Их главным назначением было полезное, веселое и интересное проведение досуга с вытекающими отсюда воспитательными функциями. Эту категорию мы называем собственно развлечениями; в нее входят все детские игры, часть молодежных, а также подавляющее большинство игр в альчики.

В то же время наиболее популярные виды спорта, игры и увеселения были преимущественно связаны с родовыми и семейными праздниками, часть которых носила религиозный характер. К таким праздникам могут быть отнесены: серия поминальных торжеств, завершавшаяся большими годовыми поминками — *чон аш*; цикл свадебных торжеств, самым крупным из которых был большой свадебный пир — *ййёлнү той*; торжество по поводу укладывания новорожденного в колыбель (*бешик*) — *бешик той*; праздник, связанный с первыми самостоятельными шагами ребенка, — *тушоо кести той*; семейный праздник, посвященный первому самостоятельному выезду мальчика верхом, и ряд других. Во время этих семейных и родовых праздников устраивались самые разнообразные игры, состязания и увеселения.

Достаточно отчетливо пережитки киргизских национальных развлечений обрядового назначения, восходящих к некогда существовавшим религиозным культам и верованиям, проявляются в характере бытования некоторых игр и состязаний, проводившихся во время свадебных торжеств, сопровождавших сватовство, выплату калыма, добрачные посещения невесты женихом, а также большой свадебный пир. Например, как уже было сказано выше, обязательным атрибутом свадебных тоев была распространенная и у многих других народов Средней Азии игра *кёк бёрү*, занимавшая в их развлекательной программе одно из главных мест. Известно два ее вида — собственно *кёк бёрү* и так называемая *чаб улак*. Первая представляла собой темпераментную спортивную игру, привлекавшую большое число зрителей и участников. Состязались роды жениха и невесты. Победившей стороне отец невесты назначал большой приз. Второй вариант игры — *чаб улак*, хотя в нем и присутствовал игровой элемент, скорее носил обрядовый ритуальный характер. *Чаб улак* устраивалась джигитами из рода жениха, когда они направлялись на большой свадебный той в аил невесты. Игра носила в значительной мере условный характер, так как целью играющих было не столько завладеть тушей козленка, сколько донести ее до аила невесты и бросить у ног (или юрты) отца невесты, выразив ему таким образом свои благопожелания и уважение. Джигит, бросивший козленка к его ногам, получал в подарок скот, деньги, одежду. В этой разновидности *кёк бёрү* не было противоборствующих родовых групп.

На историческую связь *кёк бёрү* с древним свадебным ритуалом и тотемистическими представлениями указывал еще С. П. Толстов²⁴. Интересно отметить, что у киргизов в конце XIX — начале XX в. *кёк бёрү*, став уже собственно развлечением, все еще продолжала сохранять ритуальное назначение. Это видно из того, что, во-первых, *кёк бёрү* являлась специфической чертой прежде всего свадебных праздников, и во-вторых, одна из ее разновидностей имела явно обрядовое значение.

²⁴ С. П. Толстов. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. — «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 9—10, М.—Л., 1935, с. 14, 15, 20, 21, 23 и др.

Не менее отчетливо пережитки религиозных культов проявлялись и в церемониале торжеств, посвященных культу предков, а именно в серии поминок, которые завершались большой годовой тризной — *аш* (*чон аш*). Годовые поминки были одним из важных и наиболее значительных событий в религиозной и общественной жизни киргизов и устраивались с особенной пышностью. На тризну по богатому и знатному человеку собиравались гости со всех районов Киргизии, а иногда и из пограничных с ней районов Средней Азии. Иногда на тризне присутствовало несколько десятков тысяч человек. Большое место в программе такого рода торжеств занимали самые разнообразные развлечения. Строго определенный подбор их и последовательность включения в программу свидетельствовали о том, что некогда эти развлечения имели важное обрядовое значение.

Большие годовые поминки открывались скачками *кемеге байге*, в которых по традиции принимали участие малоизвестные или средних достоинств скакуны. Состязания приурочивались ко времени устройства многочисленных очагов для варки мяса (*кемеге* — очаг, выкапываемый в земле). Кемеге байге устраивали только во время больших поминок, что говорит о прежнем культовом назначении этих скачек, которыми исчерпывалась развлекательная программа первого дня поминок. В последующие дни (их могло быть десять и более) в указанном ниже порядке проводились: *жамбы атыш*, *ёпкё чабыш*, *балбан кўрөш*, *тёё чечмей* (отвязывание обнаженной женщиной верблюда от колышка). Во всех случаях тризна заканчивалась большими скачками — *чон ат чабыш* или *аламан байге*, которые составляли венец всей развлекательной программы. В них участвовали самые лучшие скаковые лошади, известные своими победами на других крупных состязаниях. Многие наши информаторы, ссылаясь на высказывания своих отцов и дедов, говорили, что раньше аламан байге устраивалась только во время большого аша. Их начали иногда включать в программу других торжеств только со второй половины XIX в. Указания на частые случаи отступления в конце XIX — начале XX в. от установленных традицией правил устройства религиозных торжеств, и в частности, больших поминок, имеются и в литературе²⁵. В программу поминок, в особенности на юге Киргизии, стали включаться такие нехарактерные для поминальных торжеств развлечения, как *ит таргыш* — перетягивание каната, *аталага баш сал* — шуточное развлечение, во время которого необходимо было со дна котла, наполненного просяной болтушкой, достать губами монету, и даже *кёк бёрү*, включение которых в программу аша строго запрещалось традицией. Частично это «было связано с утратой значения культа предков, одной из причин чего было влияние исламской идеологии на традиционные языческие верования и культы»²⁶.

Таким образом, в бытовании некоторых киргизских национальных развлечений имелись пережитки, позволяющие предположить их тесную связь в прошлом с религиозным культом. Об этом прежде всего свидетельствует приурочение к конкретным религиозным праздникам, например к годовым поминкам, а также строгая соотнесенность развлечений, хотя и утративших реальное обрядовое содержание, с определенными этапами церемониала этих торжеств. Такого рода развлечения мы относим к категории развлечений, связанных с обрядностью.

На характер бытования некоторых видов развлечений наложили свой отпечаток и древние формы социальной организации, в частности отдельные брачные институты. Наиболее показательны в этом отношении развлечения, характерные для большого свадебного тоя (*кыз той* или *уйлөнү той*). С. М. Абрамзон отмечал: «Накануне и во время этого сва-

²⁵ Д. Айтмамбетов. Указ. раб., с. 181.

²⁶ С. М. Абрамзон. Очерки культуры..., с. 52.

дебного пира совершались обрядовые действия, восходящие как к древним социально-брачным институтам, так и к религиозно-символическим и магическим представлениям. Свадебное торжество сопровождалось зрелищами и увеселениями, содержащими много игровых, песенно-музыкальных и состязательных элементов»²⁷. Подчас обрядовая и развлекательная стороны свадебного церемониала сочетались в одном и том же действии, так что разграничить эти две стороны не представляется возможным. Подобные действия были, по-видимому, переходной ступенью между обрядом как таковым и игрой, развлечением.

Примером такого рода полуигры-полуобряда может служить свадебное развлечение *тёшэк талашуу* (букв. борьба за коврик — *тёшэк*). Развлечение это завершало большой свадебный той и происходило в аиле невесты перед ее отъездом. Носило оно характер состязания (борьбы) между молодыми мужчинами со стороны жениха и молодыми женщинами со стороны невесты. Иногда в нем принимали участие и представители старшего поколения. Перед началом состязания глубоко в землю варывали один конец толстого волосяного каната (аркан), за другой брались мужчины и старались вытащить его из земли. Женщины стремились помешать мужчинам, для чего обливали их водой, смешанной с золой, и наносили удары с помощью скрученных из материи жгутов (*токмок*). Победившей стороне отец невесты вручал приз (одну или несколько голов скота). Скот этот тут же резали и устраивали совместную трапезу. Как правило, победу одерживали мужчины. Этот вид развлечения, как и проводившаяся во время свадебных празднеств игра — перегигивание сторонниками жениха и сторонниками невесты (соответственно мужчинами и женщинами) привязанных друг к другу жениха и невесты, имевшая ярко выраженное свадебно-ритуальное назначение, олицетворял «борьбу между родом жениха и невесты, иначе, противоречие между укрепляющимся патриархальным укладом и отстаивающим свои позиции архаическим строем семейно-брачных отношений»²⁸.

Ряд характерных для *тёшэк талашуу* признаков свидетельствует, что это развлечение находится на переходной стадии от обряда к собственно игре. Об этом говорит участие в игре преимущественно молодежи, веселый шуточный характер игры, обрядово-символическое содержание развлечения, строгая связь со свадебными церемониями. Такого рода развлечения мы относим к категории развлечений — обрядов.

Накладывали свой отпечаток на киргизские национальные развлечения и пережитки патриархально-родового строя, которые, несмотря на классовый характер киргизского общества, продолжали влиять на многие стороны хозяйства и идеологии киргизов.

Представители противоборствующих сторон в том или ином состязании всегда принадлежали к разным родовым группам. Этот принцип соблюдался во всех родовых подразделениях, начиная от семейно-родственной группы и кончая племенем.

Пережитком родовых традиций было и правило, согласно которому победитель часть приза, а иногда и весь приз обязан был раздать своим сородичам, соплеменникам. Подобные факты приводит П. И. Кушнер в своей книге «Горная Киргизия»: «Во время борьбы (из-за козла) партии противников создаются по родовому принципу: призы, полученные на праздниках, делятся между сородичами, а не в пользу победителя... Интересы рода в первую голову, а истина — во вторую. С этим явлением все время приходится считаться в киргизском быту...»²⁹. То же самое, но в отношении казахов отмечает И. И. Гродеков. Он писал, что на крупных тоях и ашах видим прежде всего «не состязания личностей, а родов», причем «приз получает не победитель, а род его, который делит

²⁷ С. М. Абрамзон. Киргизы..., с. 231, 232.

²⁸ Там же, с. 234.

²⁹ П. Кушнер. Горная Киргизия. М., 1929, с. 80.

приз между собой или же раздаривает его остальным родам. Поэтому на байге (на скачках.—Г. С.) кричат боевые кличи своих родов»³⁰. Правило делиться выигранным призом со своими сородичами существовало по всей территории Киргизии. Особенно строго ему следовали во время конных состязаний *ат чабыш*, призы на которых достигали больших размеров. Исключением было только состязание-единоборство *эр сайыш*. В этом виде состязаний победитель имел право забрать весь приз целиком себе. Такое отклонение от традиционного обычая, видимо, связано с тем, что участник поединка подвергал себя большому риску.

К пережиткам родовых традиций в устройстве развлечений относился и обычай, согласно которому во время крупных состязаний, затрагивавших престиж того или иного родового подразделения, представителя, вызвавшегося отстаивать его честь или, что характерно, вынужденного участвовать в состязаниях под давлением общественного мнения, снабжали всем необходимым (одеждой, лошадью, конским снаряжением и другим игровым инвентарем) из общих средств его родовой группы³¹. А перед началом состязания участник обращался за благословением и пожеланием удачи ко всем присутствовавшим сородичам.

Отмеченные традиции носили в целом положительный характер и способствовали успешному развитию национальных видов развлечений.

Вместе с тем в организации развлечений можно отметить и ряд отрицательных сторон. Многие из них связаны с устройством развлечений в рамках родовых традиций. Так, существовавшие вплоть до начала XX в. межродовые неприязнь и вражда мешали честному соперничеству и омрачали атмосферу народных торжеств. Участники состязаний порой нарушали установленные правила игры, пускались на недозволенные хитрости, что в свою очередь осложняло обстановку и иногда приводило к вооруженным конфликтам.

П. И. Кушнер приводит факты, свидетельствующие о том, что родовые традиции ограничивали возможность участия в родовых торжествах представителей неродственных групп: «В общественной жизни, — пишет он, — такие чужаки не выделяются из среды остальных жителей аула (в этом, между прочим, сказывается уже упадок родовых традиций и родовой системы), но во время больших родовых праздников их всячески изолируют: в обращении с ними чувствуется тогда даже легкое презрение, так как киргиз не уважает людей, затрудняющихся точно указать род, ветвь и колено, от которого происходят он и его близкие»³².

Следует отметить и так называемые *чыгым* и *кошумча* — формы материального участия в устройстве родовых праздников. Чыгым — это материальный вклад родственников и сородичей организатора семейного праздника или родового торжества в его устройство. Кошумча — это подарки и подношения в виде скота, дорогих вещей или денег, которые привозили хозяину сородичи и соплеменники-гости. Кошумча и чыгым шли на угощение для гостей и на призы участникам разнообразных состязаний. Когда-то это были формы родовой взаимопомощи, материальное выражение родового единства.

К концу XIX — началу XX в. киргизское общество уже стало классовым. По мнению П. Погорельского и В. Батракова, аш и той родовыми были лишь в отдаленные времена, когда существовал «допотопный» род, т. е. организация, замкнутая в себе не только экономически, но и идеологически; когда существовала родовая религия (родовой культ) «только для членов рода» и, в частности, культ «предков», когда сородичи собирались на родовое жертвоприношение и празднество³³.

³⁰ И. И. Гродеков. Указ. раб., с. 254.

³¹ Полевые записи автора, № 52, 71, 80.

³² П. Кушнер. Указ. раб., с. 17.

³³ П. Погорельский, В. Батраков. Экономика кочевого аула Киргизстана. М., 1930, с. 162.

К концу XIX в. устройство крупных национальных торжеств носило уже явно выраженный классовый характер, что непосредственным образом сказывалось и на организации народных развлечений. Манапско-байская верхушка узурпировала к этому времени родовое право на празднества и развлечения и использовала его в своих корыстных интересах. Исследователями неоднократно отмечалось, что одной из главных причин, побуждавших баев и манапов устраивать пышные празднества, было неприкрытое стремление к личному обогащению. Собранный скот и подарки, полученные от кошумча и чыгым, далеко не в полной мере шли на угощение гостей и призы победителям игр и состязаний. Значительная часть их умножала стада и другие богатства устроителей праздника. Таким образом, несмотря на большие затраты устроитель пышного торжества в конечном итоге всегда оказывался в выигрыше.

Не последнее место при организации праздников играло стремление феодалов укрепить среди соплеменников свой авторитет, прослыть хранителями и блюстителями родовых традиций, что в конечном итоге служило укреплению политического престижа с вытекающей отсюда возможностью держать в повиновении подвластное тому или иному феодалу население. Крупное торжество часто превращалось в грабеж рядовых скотоводов не только со стороны богача-устроителя, но и богача-гостя. Вот что пишет об этом Д. Айтмамбетов: «Немало мучали «сородичей» баев и манапов приемы во время ашей так называемых «обязательных гостей». Если хозяин юрты, где они останавливались, в чем-то «провинялся», гости даже избивали его. В отдельных случаях дело доходило до того, что под видом мщения за недостойный прием эти обязательные гости тут же садились на коней и отправлялись домой, угоняя по пути скот данного айла»³⁴.

Устройство празднества с многодневным угощением и разнообразными развлечениями и богатыми призами, формальная возможность для каждого киргиза участвовать в этих торжествах, их религиозно-культурное назначение — все это, сохраняя видимость общеродового характера праздника, скрывало от широких масс его эксплуататорскую сущность. Поэтому несмотря на то, что такие празднества буквально разоряли скотоводов, имевших десятков или два баранов, бесскотная беднота, только и живущая от праздника к празднику, встречала их криками восторга. «Это большое зло, которое трудно учесть непосвященному, трудно представить такой, на первый взгляд странный, блок полярных групп кочевий»³⁵.

Следуя своим классовым интересам, баи и манапы подчас только создавали видимость того, что они поддерживают обычаи предков. В действительности они часто нарушали традиционный ритуал устройства родовых торжеств. В частности, как отмечает Д. Айтмамбетов, «по народному обычаю, в более ранний период (до середины XIX в.— Г. С.) байга устраивалась исключительно на поминках по покойному, но впоследствии обычай этот стал нарушаться богачами (манапами), устраивающими байгу при всяком благоприятном случае, например по случаю рождения первенца-сына, после удачных выборов и т. д.»³⁶. Часто нарушались и сроки устройства ашей, которые по традиции должны были собираться через год после смерти знатного человека³⁷.

Отклонение от сложившегося ритуала, а также устройство развлечений вне установленных традицией дат в какой-то степени способствовали

³⁴ Д. Айтмамбетов. Указ. раб., с. 185.

³⁵ В. Карп, В. Суслов. Современный кишлак Средней Азии (социально-экономический очерк). Быстрореченская волость Фрунзенского кантона Киргизской АССР, вып. VIII. Фрунзе, 1934, с. 28.

³⁶ Д. Айтмамбетов. Указ. раб., с. 181.

³⁷ Полевые записи автора, № 13 и 21.

освобождению народных развлечений от условностей обрядовости, а следовательно и приводило к более свободному их функционированию. Кроме того, среди манапско-байской верхушки появилось стремление целенаправленно, сознательно культивировать некоторые виды народного спорта. Известны случаи, когда манапы и бай, одержимые спортивным азартом, честолюбивым стремлением непременно выиграть состязание у представителей другого, часто враждебного рода, становились «меценатами» того или иного вида спорта. Они содержали на свои средства наиболее способных борцов, *оодарышыстов* и *эр сайышыстов*, освобождали их от тяжелой работы, кормили, предоставляли возможность часто выступать на крупных состязаниях, снабжали одеждой, лошадьми и необходимым снаряжением. Такие случаи встречались сравнительно часто и несомненно способствовали развитию народных видов спорта. Однако судьба таких спортсменов-профессионалов целиком зависела от прихоти феодала-мецената. И горе было тому из них, кто проигрывал какое-либо важное для патрона состязание.

Главными героями большинства развлечений были люди из народа, в значительной мере определявшие их содержание. Но бедняцкие и середняцкие слои населения не имели материальной, а подчас и моральной возможности самостоятельно устраивать торжества и участвовать во многих видах состязаний согласно сложившейся традиции. Покупка, содержание и тренировка хорошего породистого скакуна, например, требовали значительных материальных средств, которых, естественно, не имела беднота. Приходилось обращаться за помощью к богачу, что подчас вело устроителя праздника к полному разорению, а иногда и закабалению.

*
* * *

Подведем итог всему сказанному. Киргизские национальные развлечения сформировались на основе скотоводческой кочевой среды. Они прежде всего отвечали интересам производственной, а в более раннее время — военной жизни киргизского общества. Являясь одним из главных средств развлечения и проведения досуга, они составляли существенный компонент народной системы воспитания подрастающего поколения.

Национальные виды развлечений прошли длительный путь исторического развития, в процессе которого многие из атрибутов ритуала, трансформировались в средства развлечения, в средства рационального проведения досуга. Однако процесс этот к началу XX в. не получил окончательного завершения. Многие виды национальных развлечений продолжали сохранять, подчас в пережиточной форме, связь с религиозно-культовым церемониалом и с церемониалом, восходящим к древним формам социальной организации, в частности к древним брачным обрядовым формам. Связь эта проявилась далеко не одинаково, в силу чего все рассматриваемые развлечения можно подразделить на три категории: развлечения-обряды, развлечения, связанные с обрядностью и, наконец, собственно развлечения.

Характерными признаками развлечений-обрядов были: продолжавшее сохраняться религиозно- и социально-символическое значение, их строгое функционирование в системе обрядов того или иного религиозного торжества, невозможность их устройства вне системы таких торжеств, наличие строго определенного места в обрядовой системе. В то же время развлечения этой категории имели характер игры, состязания.

Развлечения, связанные с обрядностью, большей частью приурочивались к какому-либо определенному религиозному

празднику. Однако связь эта в конце XIX — начале XX в. была не очень прочной, что выражалось в возможности устраивать их и в другое время. Такие развлечения постепенно утрачивали реальное обрядовое содержание, и их функционирование стало возможным параллельно и вне обрядовой ритуальной сферы.

Собственно развлечения — категория, в которую входят игры, состязания и увеселения, окончательно утратившие связь (а возможно, они и не имели таковой) с ритуальной, обрядовой сферой празднеств. Функционировали они независимо от этой сферы и являлись в полном смысле слова развлечениями, средством рационального проведения досуга и воспитания. Такие развлечения могли устраиваться независимо от того или иного религиозного праздника в любое свободное время. К этой категории относились главным образом детские игры и различные развлечения молодежи.

Связь национальных развлечений с обрядовой стороной — это не единственный фактор, который отрицательно влиял на их развитие, ограничивал возможности их функционирования и воспитательное значение. Губительное воздействие на сферу национальных развлечений оказывали также, с одной стороны, сохранявшиеся патриархально-родовые пережитки, а с другой — классовое расслоение. Патриархально-родовые пережитки вносили в бытование национальных видов развлечений дух местничества, взаимной неприязни и вражды, а также поддерживали существование жестоких традиций и видов развлечений, которые были опасны для человеческой жизни или унижали человеческое достоинство. Классовое расслоение породило заинтересованность феодальной верхушки в использовании национальных развлечений, традиций устройства народных празднеств в своих корыстных эгоистических интересах в качестве средства закабаления и политического подчинения рядовых скотоводов. Имущественное неравенство подчас лишало бедняков возможности участвовать в различных играх и состязаниях.

Устранение всех этих причин было не под силу отсталому патриархально-феодальному обществу кочевников-скотоводов. Для этого понадобилась коренная перестройка всего общественного строя, что стало возможным только с победой Великой Октябрьской социалистической революции.

Г. Н. Симаков

Предметы охоты с беркутом
(из киргизских коллекций МАЭ)

Коллекции МАЭ им. Петра Великого по киргизам немногочисленны. Кроме того, приобретение вещей, как правило, носило случайный, несистематический характер и не было подчинено определенной коллекционно-собирательской цели.

Наиболее крупные поступления относятся к 1928 г. — 77 предметов (собиратели Н. П. Дыренкова и И. Д. Старынкевич), к 1948—1955 гг. — 75 предметов (собиратель С. М. Абрамзон) и к 1971—1976 гг. — около 300 предметов (собиратели Г. Н. Симаков и Л. А. Фирштейн).

С годами из общего числа предметов, поступивших в музей, стало возможным выделить комплексы, каждый из которых может дать представление о различных сторонах материальной и духовной жизни дореволюционных и современных киргизов Киргизской ССР. Среди них наиболее интересными являются кожаная и деревянная посуда, предметы конского снаряжения, религиозного культа, одежды (в частности, детской) и коллекция по традиционной охоте (в частности, подборка предметов по охоте с ловчими птицами).

Охота с ловчими птицами на территории Средней Азии и Казахстана является до наших дней одним из широко распространенных и любимых видов охоты. Наиболее полное развитие в силу ряда историко-географических причин она получила у киргизов и казахов. Однако этому вопросу в среднеазиатской этнографической литературе уделялось и уделяется недостаточно внимания. Так, об охоте с ловчими птицами у киргизов имеются лишь краткие упоминания, рассеянные в различных этнографических изданиях. Несколько подробнее на этом вопросе остановились авторы монографии «Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан».¹ Имеются данные на эту тему и в специальной работе об охоте у киргизов.² Но, к сожалению, и названные работы не исчерпывают этого довольно обширного вопроса.

В предлагаемой статье мы остановимся на характеристике предметов, используемых при обращении с беркутом (*бйркүт*). Полевые записи и наблюдения автора, произведенные им во время экспедиционных поездок в Нарынскую и Иссык-Кульскую области Киргизской ССР в 1971—1975 г., позволяют ознакомить читателя с назначением этих предметов, приемами их использования, устройством и способом изготовления. Попутно мы сообщим новые сведения, касающиеся ловли беркутов, их приручения, обучения охоте, а также приемов охоты с ними.

¹ Быт колхозников киргизских селений Дархан и Чичкан. М., 1958, с. 101—104 (ГИЭ. Нов. сер., т. XXXIV).

² Айтбаев М. Т. Очерки охоты киргизов XIX и начала XX веков. — Тр. Ин-та истории АН КиргССР, 1959, вып. V, с. 98—105.

Производственный процесс у охотника с беркутом с определенной долей условности можно подразделить на четыре стадии: поимка беркута, его приручение, обучение охоте в присутствии и с участием человека и, наконец, охота с прирученной и обученной птицей.

У киргизов существует несколько способов ловли диких беркутов. Наиболее распространенными из них являются два: поимка птицы с помощью специальной сети и доставание подростка (балпан) из гнезда. Остановимся на первом из них.

Ловлей беркутов с помощью специально изготовленной и особо устроенной для этой цели сети (*колбоор*) занимается или сам охотник (*бүркүтчү*), или профессиональный ловец охотничьих птиц (*саятчи*). Опытный охотник предпочитает в большинстве случаев заниматься ловлей беркутов собственноручно, так как хорошее знание этих птиц позволяет ему по ряду внешних признаков угадывать ловчие качества только что пойманного беркута и осуществлять выбор. Определенное значение в этом вопросе имеют и традиции. Так, если на севере Киргизии саятчи и бүркүтчү является одним и тем же лицом, то на юге отловом беркутов и других пород ловчих птиц занимаются главным образом профессионалы-ловцы, в задачу которых входит не только поймать, но и приручить беркута. Его дрессировкой повсюду занимается сам охотник. После ее завершения переход птицы из рук в руки уже нежелателен.

Процесс отлова беркутов с помощью сети имеет свои особенности в разных районах Киргизии. Эти особенности касаются как конструкции сети, так и связанного с этой конструкцией поведения самого ловца. Наиболее простым и распространенным в обследованных нами районах Киргизии способом ловли беркутов сетью является следующий: на ровной открытой площадке, в местности, где ловец имел возможность часто видеть самих беркутов или встречать их следы (остатки пищи, оперения, помет и т. д.), устанавливается сеть. (Места обитания и отлова беркутов известны в том или ином районе издавна, и их координаты передаются ловцами и охотниками из поколения в поколение. Знание этих мест часто составляло профессиональную тайну). По кругу в землю вертикально вкапывается от шести до восьми прутьев (*чыбык*) на расстоянии 2—3 м друг от друга. Поверх прутьев, высота которых не превышает 3.5 м, нетуго натягивается сеть, сплетенная из хлопчатобумажного шпагата ручной работы. Размер ячеек сети колеблется от 20×20 до 30×30 см. Верхний край сети проходит на уровне вершин прутьев и крепится с помощью проходящего по верхнему периметру хлопчатобумажного шнура или шнура, сплетенного из конского волоса. Нижний край прилегает к земле и для прочности по кругу прижимается камнями. Место стыка двух торцовых сторон сети плотно связывается шпагатом, так что установленная сеть, как отмечают сами информанты, напоминает юрту (*боз үй*), но только без купола и без дверей. Иногда для устойчивости прутьев за середину каждого из них с внешней стороны привязываются оттяжки из шпагата, конец которых укрепляется с помощью колышков, вбитых в землю. Затем на площадку, огороженную сетью, подальше от ее края, кладется приманка в виде кусков сырого свежего мяса. С внешней стороны недалеко от края сети, сажают на привязи прирученного беркута. После этого охотник уходит домой и затем один раз в сутки или в двое суток приходит проверить наличие в сети добычи, а также покормить подсадного беркута. В некоторых случаях для большей гарантии успеха он не покидает места ловли до тех пор, пока в сеть не попадет дикий беркут. Для этого на расстоянии 10—15 м от места, где установлена сеть, охотник строит из камней специальное укрытие (*ноочо* или *оочо*) и, затаившись в нем, иногда в течение нескольких суток караулит добычу. Таким укрытием чаще всего пользуются в том случае, если место ловли расположено далеко от селения.

Пролетающий над местностью, где установлена сеть, дикий беркут видит сидящего на земле недалеко от кусков мяса своего сородича и спускается к нему поближе. Сев на землю, он торопится опередить «конкурента» и раньше его завладеть мясом. При этом он шеей и крыльями попадает в крупные ячейки сети, однако, как правило, продолжает прилагать усилия к тому, чтобы добраться до приманки, которая расположена далеко от границы сети. В результате он все больше и больше запутывается. Дело оканчивается тем, что беркут не может уже без посторонней помощи выбраться из ловушки. В таком положении и находит его обычно охотник, пришедший в очередной раз проверить сеть.

Именно для такого способа ловли предназначены сети, собранные в коллекции № 6715.

Первая из них (колл. № 6715—19) сделана из хлопчатобумажного шпагата ручного плетения. Полотнище сети имеет форму сильно вытянутого прямоугольника размером 16×3.5 м. Размеры ячеек — 27×27 см, что свидетельствует о том, что сеть рассчитана на ловлю таких крупных птиц, как беркут и сокол.

По верхней кромке сети на расстоянии 40 см друг от друга привязаны петли, сплетенные из конского волоса. Длина каждой петли 14—16 см. Петли эти предназначены для того, чтобы верхние края сети быстро не изнашивались при трении о шнур, поддерживающий верхнюю кромку сети. Каждая петля пришита к верхнему углу каждой ячейки верхнего ряда. Всего петель — 40 штук.

Другая сеть (колл. № 6715—20) также предназначена для ловли крупных ловчих птиц. Она имеет аналогичную только что описанной конструкцию, но сплетена из более толстого шпагата и имеет ячейки меньшего размера — 23×23 см. Длина сети — 12 м, а ширина — 2.5 м. Обе внешние стороны каждой из ячеек верхнего ряда сделаны для прочности из конского волоса. С помощью их верхний край сети крепится к верхнему шнуру.

После того как беркут запутался в сети, перед охотником стоит задача высвободить его оттуда, при этом не испортить оперения, не получить ранений от его острых когтей и клюва и, конечно, не упустить его. Для этого многие охотники надевают на голову птице кожаный колпачок-наглазник (*тогого*). Лишенный таким образом возможности видеть, беркут сразу же становится беспомощным, и охотнику гораздо легче выпутать его из сети.

С этого момента значительную часть времени беркут проводит в наглазнике. Основное назначение колпачка — лишить беркута возможности самостоятельно действовать, лишить его инициативы, сделать послушным.

Колпачок используется в различных ситуациях. Например, освобожденного из сети беркута привозят домой и в течение нескольких дней не снимают с него колпачка. При этом охотник старается как можно больше носить его на руке, подолгу ездит с ним верхом, гладит и трогает его руками, разговаривает с ним. Все это, как правило, продлевается в обществе людей. Так беркут быстрее и безболезненнее привыкает к голосу и прикосновениям хозяина, перестает бояться человеческого общества. Кроме того, колпачок надевают на беркута для того, чтобы избавить его от лишних, ненужных движений: без колпачка птица, в особенности если она привязана на улице, под открытым небом, будет постоянно рваться с привязи и может повредить себе лапы и крылья. С этой же целью колпачок надевают на глаза беркута во время выездов на охоту — тогда птица сидит на руке хозяина спокойно и не мешает езде, не отнимает сил и внимания охотника, которые направлены на выбор пути, поиски места охоты, высматривание добычи, управление конем и т. п.

Большую часть времени беркут находится вблизи человеческого жилья, а в зимнее время обычно в том же помещении, где живет охотник и его семья. Поэтому колпачок надевают на беркута и для того, чтобы обезопасить от

него окружающих, в особенности маленьких детей. Крутой нрав некоторых птиц вынуждает охотников оставлять их на длительное время в томго. Правда, иногда беркуты настолько привыкают и привязываются к человеку, что их без всяких опасений можно держать в обществе как взрослых, так и детей. И наконец, во время самой охоты колпачок используется для того, чтобы иметь возможность получить пойманную беркутом добычу. Даже очень хорошо прирученный и обученный беркут не отдает хозяину добычу добровольно. Настигнув и умертвив ее, беркут, перед тем как приняться за трапезу, в течение некоторого времени сидит нахохлившись, держа добычу в когтях. Тогда к нему подъезжает охотник и старается отманить его от жертвы кусочком мяса. Как только ему удастся это сделать и беркут оставит добычу, охотник тотчас же надевает ему на глаза колпачок. После этого охотник без помех может снять с пойманного животного шкуру, освежевать тушу и т. п. Следует отметить, что в среде охотников с ловчими птицами у киргизов существует правило, согласно которому впервые выезжавший на охоту только что обученный беркут получает возможность досыта наестся от первой добычи. Если же беркут не новичок, хозяин обязательно дает ему хотя бы небольшой кусочек мяса или мозга пойманного им животного. Если охота после того как беркут схватил добычу, продолжаться не будет, то и в этом случае охотник кормит птицу досыта. В этом традиционном правиле переплелись два момента; заботливое и подчас любовное отношение охотника к птице, благодарность за «хорошую работу», а также понимание рефлекторных мотивов поведения ловчей птицы во время охоты.

Из сказанного ясно, что без колпачка обращение с беркутом было бы затруднительным, а в некоторых ситуациях просто невозможным. Лишь раз в году, если позволяют обстоятельства, охотник оставляет беркута без колпачка и путлиц в течение довольно продолжительного времени. Этот период связан с очень важным и трудным для беркута периодом — со сменой оперения, с линькой (*түлөө*). В это время птицу помещают в тенистом прохладном месте, по возможности недалеко от воды. Чтобы беркут не сбежал, пространство, где он находится, огораживают или сетью, или, как это делается в наши дни, деревянной либо проволочной клеткой (*капас*).

В коллекции МАЭ имеется шесть колпачков-наглазников для беркутов.

Колпачок-наглазник (колл. № 6672—2) шит из кусочков черной выделанной кожи (рис. 1, а). Крой его состоит из следующих частей: купола, наглазника, затылочного бортика, декоративного султанчика и закрепляющего ремешка. Купол шит из двух одинаковых по форме и размерам кусочков кожи и в профиль отдаленно напоминает воинский шлем. Наглазник представляет собой полоску кожи удлиненной миндалевидной формы, имеющую в средней нижней части полуовальный вырез для клюва беркута. Верхняя кромка наглазника пришита фронтально к передней нижней кромке купола. Затылочный бортик, расположенный с тыльной стороны колпачка, сделан также из узкой миндалевидной полоски кожи, сложенной вдвойне. Обе кромки бортика присоединены фронтально к задним нижним кромкам купола, одна — с внутренней стороны, другая — с внешней. Закрепляющий ремешок — узкая полоска кожи, концы которой пришиты симметрично к нижней кромке купола, поперек его основания.

Составные части колпачка сшиты хлопчатобумажной нитью через край или стежками. Все швы расположены снаружи.

Колпачок имеет декоративные детали. Одна из них — султанчик, сделанный из полоски кожи, свернутой в рулон. Нижний конец рулона шит в вершину купола, а верхний — свободный — разрезан несколько раз вдоль, в результате чего образовалась декоративная кисточка-султанчик. Кроме того, на обеих боковых сторонах купола находится по три симметрично расположенные металлические заклепки с фигурными посереб-

ренными головками. Рельефный узор на головках заклепок отдаленно напоминает изображение ромашки.

Особенностью формы этого колпачка является то, что вершина его купола несколько смещена вперед и наклонена ближе к наглазнику, в силу чего ремешки кисточки-султанчика также свешиваются вперед.

Другой колпачок (колл. № 6715—1) состоит из тех же элементов, что и предыдущий (рис. 1, б). Однако его форма и силуэт из-за несколько иного раскроя деталей отличаются от вышеописанных. В частности, купол имеет резкий переход от вершины к вместилищу. Сама же вершина, увенчанная султанчиком из тонких ремешков, короче и расположена строго вертикально в самом центре купола.

Этот колпачок сделан из более тонкой кожи. Отделка его отличается тщательностью, а форма — совершенством. Данное обстоятельство и удовлетворительная сохранность колпачка позволяют считать его лучшим в коллекции.

Следующий колпачок (колл. № 6715—2) представляет собой упрощенный вариант кроя: у него отсутствует затылочный бортик (рис. 1, в). Необходимость в нем отпадает, так как купол колпачка имеет глубокое вместилище и он плотно держится на голове птицы. По своей форме он напоминает первый колпачок (колл.

№ 6672—2), но линия перехода от вместилища купола к его вершине более плавная, в силу чего профиль вершины образует тупой угол.

Резко отличный от предыдущих крой имеет четвертый колпачок (колл. № 6715—4). Он шит из одного куска кожи (рис. 1, г). Шлемовидный купол неправильной формы лишь условно можно расчленить на элементы, составляющие колпачок: острая вершина плавно переходит в наголовник и затылочную часть. На колпачке имеется всего один шов, проходящий вертикально в задней части. Кроме того, в его крое имеются две вытачки, расположенные симметрично по бокам и образующие условную границу между куполом и наглазником.

Своеобразна и форма купола: если смотреть на него в профиль, то линия, ведущая от полуовального выреза для клюва к вершине, почти прямая, а с противоположной стороны сильно вогнутая, отмечающая четко вместилище для затылка птицы и собственно вершину. Таким образом, вершина несколько отклонена назад, что придает колпачку динамичное, стремительное очертание. На фронтальной поверхности купола проходит посередине вертикальный тисненный желоб.

Вершина купола украшена декоративной шишечкой, сплетенной из тонких ремешков. Непосредственно под ней видим сквозное отверстие, в которое продета петелька из тонкого ремешка. Эта петелька, как и султанчик-кисточка в предыдущих двух колпачках, имеет декоративное значение. Но кроме того, за эту петельку колпачок можно при необходимости подвесить на крюк, гвоздь и т. п.

В пределах двух разновидностей кроя колпачков следует выделить четыре варианта формы, определяемые главным образом формой купола.

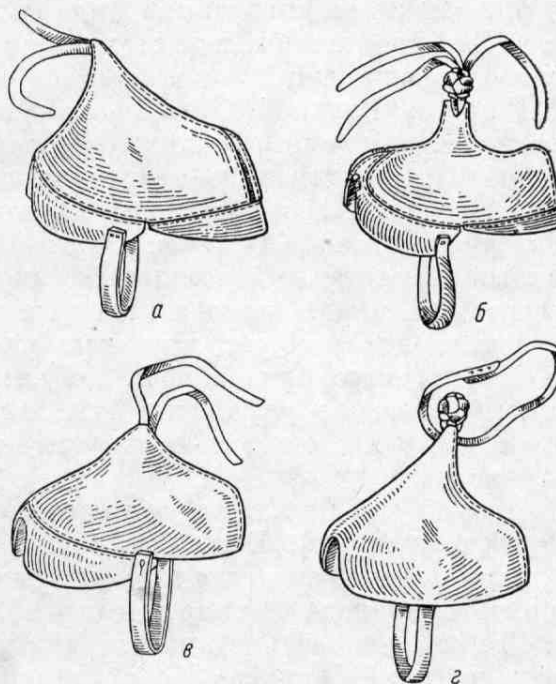

Рис. 1. Колпачки для беркута.

Трудно сказать, какая из разновидностей кроя и формы колпачков для беркута наиболее распространена в обследованных районах. Эти разновидности когда-то, по всей вероятности, имели этническую специфику. Возможно, она сохранилась в какой-то мере и по сей день. Но для выяснения этого необходимо специальное кропотливое и тщательное исследование. При этом надо учитывать, что форма колпачка зависит также и от профессионального уровня мастера-изготовителя, и от его личных вкусов. Кроме того, в каждом конкретном случае колпачок изготавливается по мерке, снятой с той или иной птицы, и мастер принимал во внимание особенности строения ее головы и клюва.

Еще до Великой Октябрьской революции в Киргизии существовала традиция: во время больших семейных и общественных торжеств устраивать своеобразное состязание охотников с беркутами (*бүркүт салыш*). На некоторые из таких состязаний приезжали показать свое искусство знаменитые беркутчи со всей Киргизии. Состязания эти носили праздничный, торжественный характер. Определенное значение в создании атмосферы такого состязания имели декоративные достоинства снаряжения охотника: его одежда, конская сбруя, предметы обращения с беркутом. Среди последних особое значение придавалось тому, как скроен и шит колпачок. Удачно спитый, красиво украшенный и ладно подогнанный, он подчеркивал величественную и смелую осанку птицы, придавал ей нарядный, праздничный вид.

Другой предмет, без которого невозможно обращение с беркутом, — это путлища (*боо*). Если без того беркут остается во время кормления и ловли добычи, а иногда и просто так, то без боо, за исключением уже упомянутого периода линьки, птица не остается никогда.

Главное назначение путлищ (так же как и колпачка) — ограничить свободу действий беркута. Но в отличие от колпачка ограничение это носит более относительный характер.

В зависимости от того, какая именно задача стоит перед охотником, используется одна из двух разновидностей путлищ: *узун боо* — длинные путлища и *кыска боо* или *чолок боо* — короткие путлища. В их устройстве существует единственное различие: большая или меньшая длина ремешка, шпагата или аркана этих путлищ, которая позволяет беркуту удаляться на большее или меньшее расстояние от того места, где он привязан. Длина ремешка коротких путлищ — 1,5 м, а длинных — до 30, 40 и более метров. Охотник по существу имеет только короткие путлища, которые при необходимости превращает в длинные, надставив их ремешок шпагатом или волосяным арканом.

Короткие путлища помогают охотнику приучить птицу к себе, а также используются для того, чтобы в свободное от охоты или дрессировки время ограничить возможность передвижения птицы. Эти путлища используются и для удержания беркута на руке во время передвижения с ним на коне или пешком (беркут сидит на руке у охотника, а ремешок коротких путлищ зажат в этой же руке).

Длинные путлища используются главным образом в процессе дрессировки, натаскивания беркута. С одной стороны, они дают возможность птице свободно перемещаться на некоторое расстояние и выполнять те или иные учебные действия, а с другой — гарантируют то, что еще мало обученная и недостаточно привыкшая к человеку птица не улетит от хозяина.

Цель одного из таких учебных упражнений заключается в том, чтобы научить беркута по зову охотника с любого расстояния прилетать и садиться ему на руку. Для этого охотник сажает беркута на длинные путлища, а сам отходит на некоторое расстояние от него, надев предварительно на руку специальную рукавицу. Затем, взяв рукавицей кусочек мяса и выкрикивая

громко: «Кыйтуу. . . Кыйтуу. . . Бө. . . Бө. . . Бө. . .!», — подзывает беркута к себе. Привязанный к длинным путлицам беркут имеет возможность пролететь разделяющее их расстояние и сесть хозяину на руку. Постепенно задачу усложняют: сначала увеличивают разделяющее охотника и беркута расстояние, потом охотник приучает птицу садиться на руку без кусочка мяса, откликаясь только на его зов, и наконец охотник прячется от птицы и подзывает ее из укрытия. Все эти упражнения выполняются до тех пор, пока беркут не будет садиться на руку по первому зову уверенно и четко. Таким образом охотник добивается того, что во время охоты беркут, если ему не удастся схватить добычу, откликается на голос хозяина и летит ему навстречу. Еще более необходим этот навык в том случае, если птица в погоне за добычей исчезнет из виду, потеряется из поля зрения охотника.

О другой серии упражнений, связанных с выработкой навыков ловли добычи в непривычных для пойманного беркута условиях, будет рассказано позднее, в связи с вабиллом. Эти упражнения, как только что описанные, невозможны без длинных путлиц.

Приведем описание путлиц — кыска боо, которые имеются в коллекции (рис. 2). Короткие путлица для беркута (колл. № 6715—14) сделаны из сыромятной кожи и состоят из трех элементов: двух одинаковых — это держатели для ног — и ремешка-привязи.

Каждый держатель для ног представляет собой толстый жгут сыромятной кожи, круглый в сечении. На одном его конце пришито металлическое кольцо (диаметр — 2 см), а на втором — широкая полоска кожи прямоугольной формы. Один торец этой полоски пришит к концу кожного жгута, а на другом, свободном, пришита петелька, диаметр ее чуть больше диаметра жгутов держателей для ног. Ремешок-привязь представляет собой полоску сыромятной кожи, один конец которой завязан в узел (диаметр этого узла больше диаметра металлических колец на концах держателей для ног). Чтобы собрать путлица в рабочее состояние, необходимо концы жгутов держателей для ног продеть в кожаные петли, пришитые к свободным концам прямоугольных кожаных полосок, и все это затянуть так, чтобы последние образовали большие петли, охватывающие лапы птицы выше пальцев. Кожаные прямоугольные полоски плотно облегают лапы беркута (иногда на эти кожаные полоски изнутри пришиты войлочные прокладки, чтобы птица не натерла и не поранила лапы). Затем через оба металлических кольца на концах держателей для ног продевается ремешок-привязь, конец которого во время переноски птицы зажат в руке охотника, а во время пре-

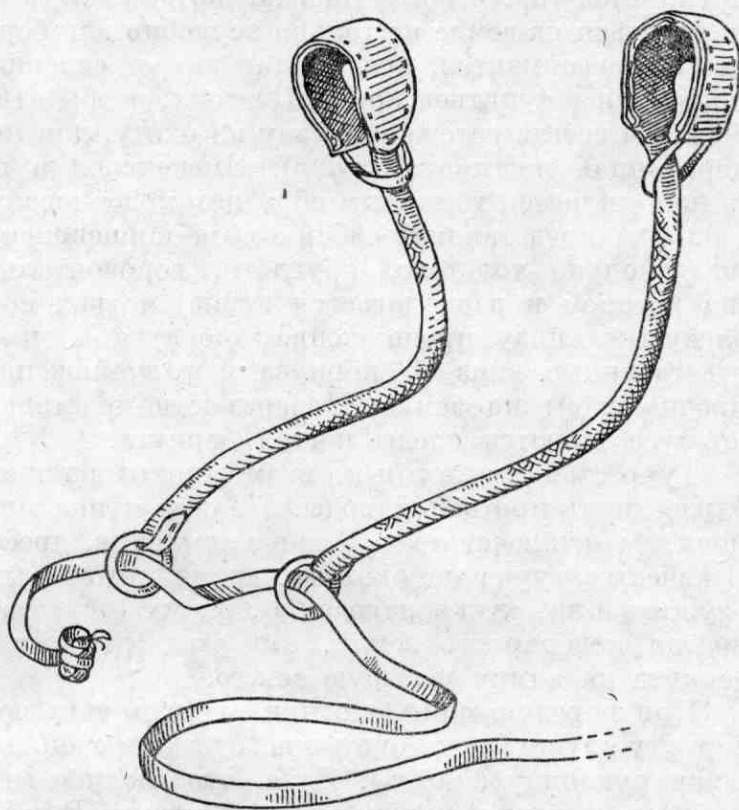

Рис. 2. Путлица.

бывания дома привязан к деревянному или железному колышку (*казыкча*), к дереву, к каркасу юрты и т. п. Узел этого ремешка не может пройти сквозь металлические кольца и дает возможность скрепить концы обоих держателей для ног, что позволяет охотнику удерживать беркута одной рукой.

Короткие путлища не снимаются с беркута и во время охоты. Имея их на ногах, он преследует, настигает и умерщвляет добычу.

Как уже говорилось, пойманного в сеть беркута доставляют домой. Там ему на лапы сразу же надевают короткие путлища, конец которых закрепляется так, чтобы птица не могла улететь или уйти. Однако все время находиться на земле не только неудобно для беркута, но и, по утверждению наших информантов, вредно, так как от сидения на земле у него начинают портиться и тупиться когти. Поэтому, чтобы птице было ловко сидеть и она была бы всегда готова к выезду на охоту, для нее сооружается специальная деревянная подставка (*туур*). Имеющаяся в коллекции МАЭ такая подставка является типичным образцом подобного сооружения (колл. № 6717—18). Она представляет собой кусок корневища какого-то дерева и состоит из довольно толстого, круглого, горизонтально расположенного корпуса (на котором и располагается птица) и трех ножек: одна из них является загнутым книзу продолжением корпуса, а две другие — тонкие корешки, ответвленные вниз от корпуса и расположенные так, что вся подставка прочно стоит на земле. Поверхности подставки неровные, бугристые, на корпусе имеются следы когтей беркута.

Туур ставится летом по возможности в тенистом прохладном месте и поблизости от проточной воды. На нем птица проводит большую часть времени, за исключением времени кормления, дрессировки и выездов на охоту. В качестве туура на охоте (во время длительных остановок и ночлега) могут служить пни, куски дерева, а при их отсутствии куски дерна или травянистая поверхность земли. Во всех случаях охотники избегают сажать беркута на камни и сырую землю.

При передвижении охотника верхом или пешком в качестве подставки беркуту служит рука охотника, одетая в специальную сделанную из толстой кожи рукавицу (*мээлей*). Ясно, что главное ее назначение — это оградить руку от острых и мощных когтей птицы. Рукавица шьется таким образом, чтобы она закрывала кисть и все предплечье до самого локтя. Охотник, несущий на руке беркута, должен быть внимательным и следить за тем, чтобы кисть руки, на которой всегда сидит беркут, была поднята выше предплечья. При ином положении беркут, стремясь удержать равновесие и перемещаясь на более высокую точку опоры, может выйти за пределы прикрытого рукавицей предплечья и поранить охотнику плечо. Такое иногда случается с молодыми, не имеющими опыта охотниками. Таким образом, рукавица необходима как средство защиты руки от когтей птицы в то время, когда охотник с ней перемещается с места на место или просто держит ее на руке.

Рукавица необходима дрессировщику и во время всех учебных операций. В этом мы уже имели возможность убедиться, ознакомившись с упражнениями по приучению беркута к посадке на руку по зову охотника. Не менее необходима рукавица и во время охоты, когда рука охотника, одетая в рукавицу, является своеобразной «стартовой площадкой» для беркута, с которой он начинает преследование добычи. При этом охотник взмахом руки сообщает птице инерцию, облегчает ей взлет.

В коллекциях № 6672 и 6715 находятся четыре рукавицы для ношения беркута. Три из них имеют характерные особенности кроя, отличающие их друг от друга.

Первая из них (колл. № 6672—1), привезенная из Атбашинского района Нарынской области Киргизской ССР (рис. 3, а), сшита из целого куска жел-

товато-белой кожи, выделанной из шкуры горного козла (*теке*). Для изготовления охотничьей рукавицы берется кожа с шейной части шкуры убитого животного, откуда ее снимают не разрезая, «чулком». Кусок этой кожи имеет форму усеченного конуса. Более широкая часть — раструб — составляет ту часть рукавицы, которая закрывает предплечье. Более узкая раскраивается и образует два вместилища для пальцев руки: одно — маленькое — для большого пальца, а другое — большое — для четырех остальных. Оба они выкроены так, что все детали сшиваются единым швом, проходящим по внешней кромке вместилища для четырех пальцев и внутренней кромке вместилища для большого пальца.

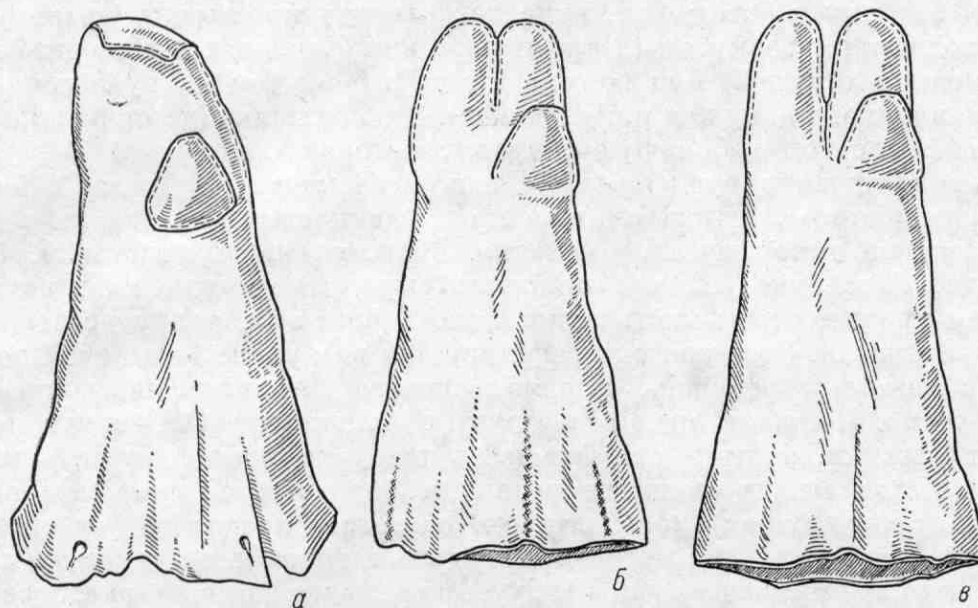

Рис. 3. Рукавицы для ношения беркута.

Часть рукавицы, закрывающая предплечье, обужена с помощью двух противоположно размещенных вытачек. Это сделано для того, чтобы рукавица плотнее облегалась руке. Та же часть мээлей, которую сидящая на руке птица захватывает когтями, изнутри обшита коровьей шкурой, шерстью наружу, чтобы беркут не проколол рукавицы когтями и чтобы она была теплее, так как охота с беркутом имеет место главным образом в осеннее и зимнее время. Все швы на рукавице сделаны стежками толстой кожаной нитью.

Другая рукавица (колл. № 6715—8) сшита из шкуры, снятой с шейной части убитой косули (рис. 3, б). Кожа светло-желтого оттенка. Раскрой ее идентичен описанному выше, за исключением некоторых деталей: большое вместилище для четырех пальцев с наружной и внутренней сторон разделено проходящим вдоль посередине швом на две равные части. Это формальное разделение отмечено и кроем: наружная кромка большого вместилища имеет форму двух полуовалов, в месте соединения которых и проходит продольный шов. Таким образом, с помощью этого чисто фасонного шва отмечена возможность расчленения вместилища на две части. На раструбе, закрывающем предплечье, имеется не две, как у предыдущей рукавицы, а четыре вытачки. Количество их, по всей вероятности, не регламентировано кроем, а каждый раз определяется необходимостью больше или меньше заузить раструб.

Следует отметить, что эта рукавица отличается тщательностью отделки, аккуратностью изготовления, четкими очертаниями и, кроме того, хорошей сохранностью.

Наконец, в третьей рукавице (колл. № 6715—9) большое вместилище для четырех пальцев, в отличие от первой и второй рукавиц, уже кроем расчленено на две самостоятельные части (рис. 3, *е*), так что эта рукавица имеет в действительности не два, а уже три вместилища для пальцев: одно для большого и два для остальных (по два пальца в каждом). Внутренняя поверхность обшита толстым слоем войлока. Швы проходят снаружи стежками и сделаны нитью из сухожилий какого-то животного.

Выехав на охоту, охотник подчас преодолевает по пересеченной местности по нескольку десятков километров, при этом беркут все время находится на руке. Если учитывать, что вес взрослого беркута достигает 14 и более килограммов, то станет ясно, что подобная нагрузка, которая была ничем былинным богатырям, явно не по плечу простому смертному. Поэтому охотники с беркутом (а среди них, в особенности в последнее время, много пожилых людей) при верховой езде с беркутом на руке используют специальную подставку под руку (*балдак*). Эта подставка (длиной около 0.5 м) представляет собой небольшую рогатку, которая с помощью сыромятных ремешков прикрепляется к седлу. Нижний ее конец упирается в боковую часть деревянного ленчика седла и привязан к нему за вделанное в этом месте ленчика металлическое колечко. Верхняя часть подставки, будучи привязанной к луке седла с помощью сыромятного ремешка, находится на таком уровне, чтобы кисть руки, положенной в развилку рогатки, была выше предплечья. Этот уровень регулируется как размерами самой рогатки, так и с помощью ремешка, привязывающего верхнюю часть подставки к луке седла. Положив предплечье руки с сидящим на ней беркутом в развилку подставки, охотник снимает часть нагрузки с мышц руки. Для большего удобства между концами развилки натягивается широкая полоска кожи, которая служит амортизатором, оберегает предплечье от натирания о твердую развилку, смягчает во время езды тяжесть от сидящей на руке птицы. В то время, когда рука с беркутом не лежит на подставке, последняя, будучи закрепленной на ремешках шарнирно, спадает и ложится вдоль седла на поверхность потника. При необходимости свободной левой рукой охотник может восстановить положение подставки, нужное для опоры руки с беркутом.

Имеющиеся в коллекции № 6715 четыре подставки-балдак конструктивными деталями и материалом, из которого они сделаны, отличаются друг от друга. Приводим описание наиболее типичной из них — полностью — и отличительных черт остальных.

Подставка под руку охотника с беркутом (колл. № 6715—10) сделана из куска рога горного козла (рис. 4, *а*). Судя по размерам, для ее изготовления был использован рог крупного животного. Она представляет собой прямоугольный в сечении стержень с развилкой на верхнем конце и крючкообразным ответвлением на нижнем. Поверхность стержня неровная, она членится как бы на несколько объемов — выступов прямоугольной формы, наличие которых, очевидно, имеет декоративное значение. В верхней части стержень переходит в лирообразную развилку через прямоугольное в плане утолщение. Внизу стержень подставки постепенно сужается и переходит в крючкообразное ответвление, внешняя сторона которого упирается в боковую часть ленчика. Сквозь стержень подставки, вдоль широкой его стороны, проходят два отверстия для закрепляющих ремней. Одно из них расположено чуть выше середины стержня и служит для фиксации верхней части подставки к луке седла. Другое проходит в том же направлении у основания крючкообразного ответвления и служит для фиксации основания подставки с помощью сыромятного ремешка к кольцу ленчика седла.

Между рожками развилки с помощью тонких кожаных шнурков закреплена двуслойная кожаная полоса — амортизатор. Шнурки продеты

в отверстия, проделанные на самых кончиках рожек развилки (по два отверстия на каждом ответвлении). А через верхнее отверстие стержня подставки продет кусок тонкого сыромятного ремешка, который фиксирует верхнюю часть подставки к луке седла.

Поверхность подставки отполирована руками в процессе употребления. Эта подставка является лучшей из имеющихся в коллекции. Она представляет собой типичный образец такого рода изделия. Выбор материала для нее вызван как утилитарными соображениями (кость прочнее и долговечнее дерева), так и эстетическими, а это, как уже говорилось, имеет для охотников важное значение.

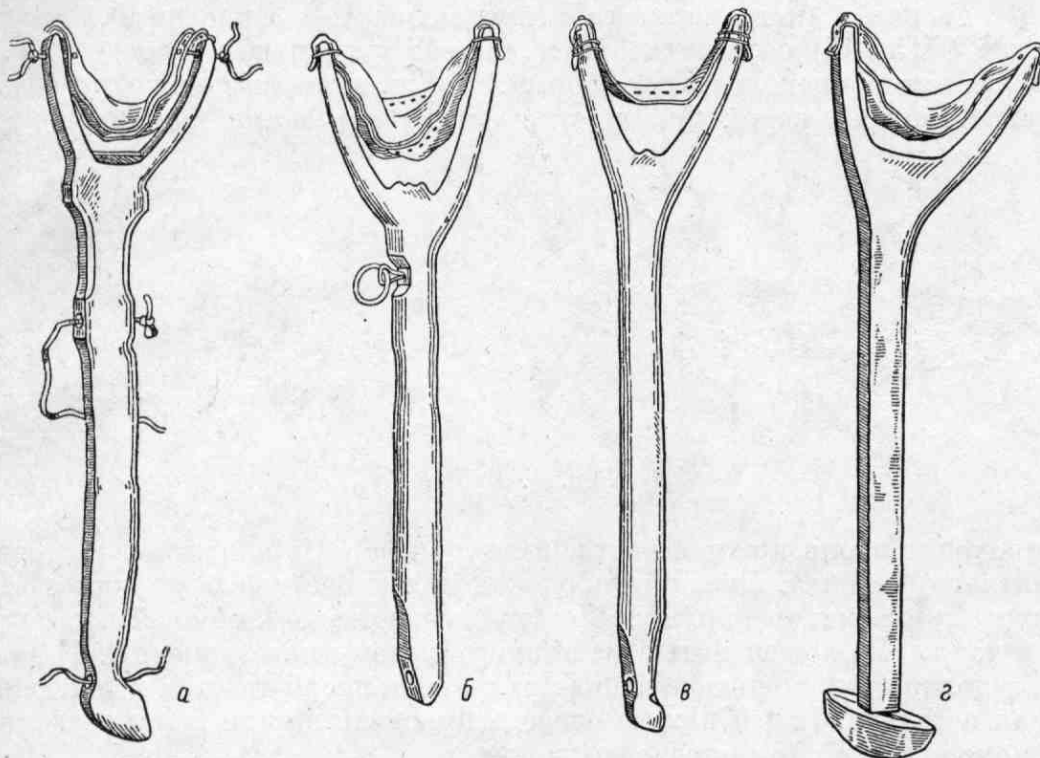

Рис. 4. Подставки для руки.

Вторая подставка (колл. № 6715—11) сделана из дерева, что встречается гораздо чаще, по крайней мере в наши дни (рис. 4, б). Стержень ее в сечении — круглый. Нижний конец его имеет скос под острым углом для более плотного прилегания основания подставки к боковой части ленточки седла. В этом месте находится сквозное отверстие для ремня, фиксирующего основание подставки к ленточке седла. Держателем ремня, фиксирующего верхнюю часть подставки к луке седла, является металлическое колечко, прикрепленное к стержню с помощью металлической шпильки. Крою кожаной полоски-амортизатора в плане придана миндалевидная форма. Она намного шире ленты описанной выше подставки. Концы ее прикреплены к концам ответвлений развилки с помощью нити, сделанной из сухожилий какого-то животного.

Особенностью третьей подставки (колл. № 6715—12), также сделанной из дерева, является отсутствие сквозного отверстия или специального кольца для ремешка, фиксирующего верх подставки к луке седла (рис. 4, в). Видимо, она прикрепляется к луке с помощью ремня, который завязывается за стержень подставки. В остальном подставка идентична только что описанной.

Последняя из имеющихся деревянная подставка (колл. № 6715—13) отличается от всех охарактеризованных нами тем, что у нее вовсе отсутствуют

отверстия для закрепляющих ремней (рис. 4, з). На нижнем конце стержня имеется лишь полукруглая планка, которая плоской поверхностью приделана к торцу нижней части стержня. Полукруглая ее поверхность упирается в боковую часть ленчика седла. На эту планку накидывается петлей ремешок, фиксирующий основание подставки к металлическому кольцу ленчика седла. Планка не дает петле ремешка сползти и прочно держит основание подставки. Верхняя же часть подставки прикрепляется к луке седла так же, как и у подставки № 6715—12.

Обязательным атрибутом любого охотника с беркутом является приманка для птицы, или вабило (*чырга*), которое представляет собой примитивное чучело лисицы (или другого промыслового животного). Вабило (колл. № 6715—15) состоит из двух частей: туловища и хвоста (рис. 5). Туловище имеет продолговатую форму. Внутренняя его оболочка сделана из куска коровьей кожи. Она плотно набита обрезками кожи и войлока.

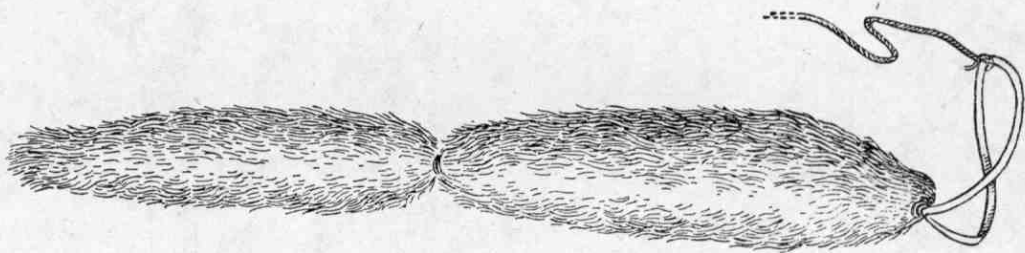

Рис. 5. Вабило.

Шов проходит вдоль нижней части, зашит он через край нитью из тонкого сыромятного ремешка. Внешняя оболочка туловища чучела лисицы сделана из шкуры сурка мехом наружу. Шов также идет вдоль нижней части туловища и также проложен нитью из тонкого сыромятного ремешка. К задней части туловища с помощью ремешка прикреплен лисий хвост, а к передней — кожаная петелька. К ней в свою очередь привязан длинный кусок шпагата; с его помощью вабило волочат по земле.

Другое вабило (колл. № 6715—16) сделано по тому же принципу, только обрезки войлока и кожи, которыми набито туловище, зашиты в единственную оболочку, представляющую собой шкуру лисицы мехом наружу, что, по всей видимости, делает вабило более наглядным, но менее прочным. К туловищу прикреплен лисий хвост.

После того как беркут привыкнет к хозяину и новому окружению и начнет уверенно и четко садиться на руку охотника по его зову, наступает новый этап дрессировки — натаскивание птицы на вабило.

Взрослый беркут, попавший в сеть, вырос в естественных условиях и имел до этого устойчивый навык самостоятельной охоты. В новых обстоятельствах он начинает получать пищу из рук охотника и необходимость борьбы за пропитание исчезает. Тем не менее для успешной охоты у беркута следует постоянно поддерживать охотничий инстинкт. Кроме того, его необходимо научить охотиться в присутствии и с участием человека. Для поддержания старых навыков и для выработки новых используется вабило.

В натаскивании беркута на вабило принимает участие помимо самого охотника его помощник. Эта дрессировка распадается на два этапа. На первом из них продельвается следующее упражнение: охотник стоит или идет, держа на руке беркута в колпачке. Его помощник на расстоянии 4—6 м от него тащит по земле за веревку чучело лисицы. Охотник снимает с головы птицы колпачок, и беркут, увидев движущееся по земле подобие лиси-

цы, летит по направлению к вабилу и хватает его. Далеко не сразу птица начинает выполнять это упражнение решительно и четко. Но со временем набрасывается на чучело все увереннее. За «квалифицированные» действия беркут получает в награду кусочки мяса. Иногда мясо привязывается прямо к вабилу, и, взяв его, беркут сам забирает вознаграждение.

Постепенно расстояние между охотником и его помощником увеличивается до нескольких десятков метров — этим добиваются того, чтобы беркут на любом из предложенных расстояний уверенно брал вабило. Во время всех тренировок на ноги беркуту надевают длинные путлища. На первом этапе тренировка проходит в самом селении или на его окраине.

На втором этапе выполняются аналогичные операции, но не пешком, а верхом на коне и в открытом поле далеко за пределами селения. Тренировки по натаскиванию завершаются тем, что беркута впервые выпускают на чучело без длинных путлищ. Если он при этом уверенно взял приманку и не улетел прочь, то можно считать, что период обучения беркута закончен и с ним можно выезжать на охоту. Так обстоит дело с натаскиванием беркута, пойманного с помощью сетей, — *талаа бѳркѳт* (букв. — полевой беркут).

Но, как уже упоминалось, некоторые ловцы и охотники достают подросших птенцов из гнезда и затем воспитывают из них беркутов-охотников. Такого беркута называют *бала бѳркѳт* (букв. — беркут-ребенок). Процесс обучения этого беркута имеет свои особенности, так как он никогда в жизни самостоятельно не охотился и навыки охоты ему приходится прививать впервые. Помимо этого беркут, выросший на руках у человека, после того как он научится хорошо брать вабило, на охоте при встрече с животным нередко теряется и упускает добычу. Или же, не умея схватить живую лису или волка, остается с покусанными лапами и переломанными крыльями. Поэтому при обучении его за периодом натаскивания на вабило следует особый период тренировки на живых животных (на «живом вабиле»). Для этого ловят капканом лисицу, завязывают ей пасть, зашивают глаза и выпускают в поле, а затем пускают на нее обученного с помощью вабила молодого беркута. Подобную процедуру повторяют несколько раз с одним и тем же (если удастся его спасти от когтей беркута) или с разными животными. Цель — добиться того, чтобы молодой, выросший в домашних условиях беркут не боялся добычи, не терялся перед ней, брал ее четко и смело. После тренировок на «живом вабиле» у беркута появляется вкус к настоящей охоте.

Чаще всего беркутов используют для охоты на лисиц и сурков. Однако наиболее смелые и хорошо натасканные птицы могут успешно брать косуль и даже волков. Поэтому вабило делают из шкур и этих животных.

При натаскивании на «живое вабило» также обязательно учитывать, на какого животного будет преимущественно охотиться тот или иной беркут. Поэтому для натаскивания используют и попавшую в капкан живую косулю и молодого волка. В некоторых случаях вместо волка используют большую серую, похожую на волка собаку, связав ей предварительно пасть и спутав ноги, и только после подобных тренировок выезжают на настоящую охоту.

Привитые беркуту навыки не нуждаются затем в поддержании путем повторных тренировок и сохраняются в течение всего периода его пребывания у охотника. Лишь после завершения дрессировки с птицей выезжают на охоту.

Таким образом, успех охоты с беркутом в основном зависит от того, как хорошо он надрессирован. Но не меньшее, если не большее, значение имеет правильный режим его кормления. В период, непосредственно предшествующий охотничьему сезону, и собственно в охотничий сезон принято содержать беркута в полуголодном состоянии, но при этом надо следить, чтобы он не терял сил и энергии и не утрачивал способности и желания охотиться.

С этой целью его кормят мясом без крови, для чего мясо, предназначенное для кормления птицы, тщательно вымачивается и промывается в воде. Количество этого мяса, даваемого одновременно, а также частота кормления строго регулируются в зависимости от того, сколько осталось времени до выезда на охоту, каковы упитанность беркута и его настроение. Охотник внимательно следит за упитанностью птицы, регулярно ощупывает мышцы его лап (*булчун*). По их величине и упругости охотник может определить дальнейший режим кормления беркута, степень его готовности к охотничьему сезону. Вялые, дряблые мышцы свидетельствуют о том, что беркут слишком ослаб и непригоден к охоте, слишком упругие и большие — о том, что он перекормлен и во время выезда на охоту может отказаться от добычи и улететь прочь. Перекормленный беркут становится неуправляемым. Не меньшее значение имеет и настроение птицы, о котором опытный охотник умеет судить по ее поведению. Мэру всего этого каждый охотник знает как из своего опыта, так и из опыта, полученного от отцов. При этом им всегда принимаются во внимание индивидуальные особенности той птицы, с которой он в данный момент имеет дело. Только беркут, достигший охотничьей формы (*этке келген бёркүт*, букв. — беркут, достигший упитанности), будет брать добычу хватко и уверенно. И это достигается в значительной степени искусством его кормления.

Кроме регулирования режима питания для более быстрого похудения птицы, уже ближе к началу охоты, используют регулярное очищение желудка беркута от остатков пищи (*ичи тазалашуу*), которое осуществляется посредством так называемого *коё* — клочка овечьей шерсти или пучка конского волоса. Охотник берет коё в руку, другой рукой раскрывает беркуту клюв и заталкивает в него клочок шерсти, вынуждая его проглотить. Через некоторое время коё вместе с остатками пищи отрывается птицей обратно. Таким образом очищается желудок птицы. Кстати, по цвету коё, которое оторвал беркут, охотник может судить о степени упитанности птицы: желтое, покрытое слоем жира коё свидетельствует о том, что беркут еще не в достаточной степени освободился от внутреннего жира и не готов к охоте, в то время как чистое коё показывает, что птица близка к хорошей охотничьей форме.

Имеющийся в МАЭ образец коё (колл. № 6715—17) представляет собой клочок овечьей шерсти.

Однако буквально за несколько часов до выезда на охоту беркуту приходится претерпеть еще одну малоприятную процедуру — это промывание желудка, называемое также *ичи тазалашуу*. Цель его — окончательное освобождение желудка птицы от остатков пищи, ибо только тогда, когда в желудке у беркута станет совершенно пусто, охота может быть удачной. Для этой цели охотник деревянную чашку (*жыгач аяк*) объемом около литра наполняет слегка подсоленной водой комнатной температуры. Затем он сажает птицу на землю и, как бы садясь на нее со спины верхом, сам становится на колени и зажимает беркута между ног. При этом птица слегка прижата зобом к земле. Потом он снимает с нее колпачок и, набрав через специальную трубочку (*түтүк*) полный рот воды, запрокидывает беркуту голову назад и вверх и с помощью этой трубочки перекачивает воду из своего рта через клюв в желудок птицы. Повторяя эту операцию несколько раз, охотник перекачивает таким образом всю имеющуюся в чашке воду (всего приблизительно 700—900 г). По истечении недолгого времени он может быть уверен, что желудок беркута чист и что его питомец явно заинтересован в ловле добычи.

Используемая для этой цели деревянная чашка (*аяк*) не отличается от тех, которые применяются в кухонном хозяйстве киргизов. Эта же чашка используется и для промывания мяса для беркута, и для дозировки ему

пищи, и для кормления: в ней ему приносят мелко нарезанные кусочки мяса. Такая чашка, имеющаяся в МАЭ (колл. № 6715—18), выточена на ручном токарном станке из целого куска дерева. Объем ее членится на собственно чашу и поддон. Внешняя и внутренняя поверхности чаши имеют форму цилиндра с полусферическим основанием. Стенки тонкие, кромки скруглены. Поддон — в форме сплющенного усеченного конуса, расположенного широким основанием книзу. Все поверхности чаши отполированы в процессе длительного употребления.

В заключение остановимся еще на одном предмете, который необходим охотнику с беркутом, — это мешок, называемый *баштык* (колл. № 6138—1). Сделан он из грубой шерстяной ткани, имеет прямоугольную форму, размеры его 14×19 см.

В таком мешочке охотник, как правило, держит кусочки мяса, предназначенные для вознаграждения беркута за взятую добычу или удачно выполненное упражнение, для отманывания его от только что пойманной добычи, а также для приманивания беркута, когда он, упустив жертву, сел где-нибудь поблизости. Сезон охоты приходится на холодное, морозное время, поэтому кусочки мяса, сложенные в баштык, на морозе могут замерзнуть, что совершенно недопустимо, так как беркут, не привыкший к холодному мясу, съев его, может заболеть. Таким образом, кусочки мяса в баштыке всегда должны быть слегка теплыми. Чтобы добиться этого, охотник в холодную погоду подвешивает баштык с мясом так, чтобы он располагался как можно ближе к телу коня, на котором едет охотник.

На Иссык-Куле, а также в Нарынской области в баштык (большого размера) пеленают пойманного сетью беркута и перевозят его с места поимки. Для этой цели в дне баштыка проделывают отверстие, размеры которого позволяют пройти через него голове и шее взрослого беркута. Стенки мешка при этом облегают корпус птицы с плотно прижатыми к нему крыльями. В той части, где лапы беркута торчат из мешка, последний туго перевязывается арканом или веревкой. Таким образом, птица оказывается плотно спеленатой. Тогда ее за ноги, вниз головой приторачивают к седлу и везут домой. В остальном же конструкция мешка-баштыка ничем не отличается от конструкции тех мешков, которые используются для самых разнообразных нужд. Он может быть сшит из любой плотной ткани, как шерстяной, так и хлопчатобумажной.

Итак, в самых общих чертах мы ознакомились с предметами, необходимыми для обращения с беркутом.

В коллекции МАЭ имеется полный набор этих предметов, за исключением трубочки, используемой для очищения желудка птицы накануне выезда на охоту. По сообщениям наших информантов и по нашим наблюдениям, такая трубочка делается из камыша, из дерева или из берцовой кости овцы. Длина ее не превышает 15—20 см, а диаметр — 1—1.5 см. В наши дни охотниками используются трубочки из полиэтилена и пластмассы. Предметы эти чаще всего делают сами охотники. В некоторых случаях изготовлением их занимаются мастера по дереву, коже, металлу и т. п. В особенности сказанное касается колпачков и рукавиц, для создания которых необходимо иметь профессиональные навыки и умение. К помощи мастеров прибегают и тогда, когда охотник уделяет особое внимание эстетической стороне дела.

Мы имели также возможность убедиться в том, что все необходимое для обращения с беркутом имеет простое устройство, остроумно придумано, не громоздко и всегда может быть у охотника под рукой.